

INSPIRIA

УНА ХАРТ

ХОЗЯЙКА ШВАРЦВАЛЬДА

18+

INSPIRIA

Universum. Магический реализм Уны Харт

Уна Харт

Хозяйка Шварцвальда

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Харт У.

Хозяйка Шварцвальда / У. Харт — «Эксмо», 2023 — (Universum. Магический реализм Уны Харт)

ISBN 978-5-04-187897-9

Германия, 21 декабря 1601 года. В городе Оффенбурге народ собирается на площади в предвкушении казни. Эльзу Гвиннер, жену пекаря, признали виновной в колдовстве, и теперь ее ждет костер. Но что будет с ее семилетней дочерью, из-за признания которой осудили Эльзу? Отправится ли она тоже в огонь? Нет, если ее заметил Кристоф Вагнер, ученик доктора Фауста, колдун, продавший душу дьяволу. Он страстно желает передать кому-нибудь драгоценные знания своего учителя. А кто лучше подойдет на эту роль, чем девочка, от которой все отвернулись, малолетняя ведьма и преступница, предавшая свою мать? Новый роман Уны Харт, продолжающий цикл «Когда запоют мертвецы». Инквизиция, ведьмы, костры и – реальные демоны, вмешивающиеся в дела людей. Уна Харт с подкупающей скрупулезностью и достоверностью выписывает быт Европы начала 17-го века, показывая его с неожиданной стороны, где магия и договоры с темными силами не сказки и домыслы соседей, а реальность. Читатель встретится не только со знакомыми по книге «Когда запоют мертвецы» персонажами, но и с самим доктором Фаустом, который в последний раз обращается к своему ученику... Книгу дополняет саундтрек, который можно получить по QR-коду, написанный специально для этой истории.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187897-9

© Харт У., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Часть 1	8
Глава 1	8
Глава 2	14
Интерлюдия	23
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	47
Глава 7	51
Интерлюдия	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

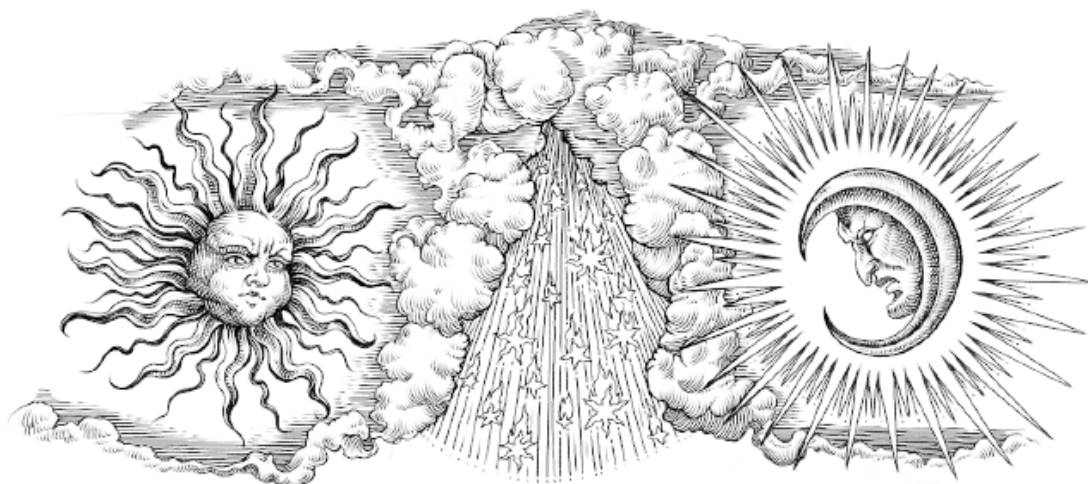
Уна Харт
Хозяйка Шварцвальда

© Харт У., текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Часть 1

Глава 1

1601 год, Оффенбург

Эта история началась с пламени.

В те времена огонь еще не успел стать обычным инструментом в руках людей мстительных и алчных. Небеса над Бамбергом и Фульдой еще не посерели от дыма, а улицы не утонули в криках истязаемых ведьм. На главной площади славного города Оффенбурга казни тоже происходили не чаще пары раз в год, поэтому народ начал собираться уже с рассветом, чтобы не упустить редкое зрелище. Поглазеть на последние часы жизни Эльзы Гвиннер хотелось всем: и прачкам, и белошвейкам, и мясникам с Метцгерштрассе, и дубильщикам с Герберштрассе.

Когда на парапете ратуши вывесили алые полотнища, горожане оживились. Это был знак, что вскоре Эльза выйдет из дверей в сопровождении чиновников и капелланов и начнет свой скорбный путь к месту казни. На дворе стояло свежее декабрьское утро. Иные говорили, что уйти из жизни в такой погожий денек, когда на небе ни облачка, – настоящее божье благословение. В прохладном воздухе витали запахи чесночных колбасок и квашеной капусты. Предвкушение интересного зрелища всегда пробуждает зверский аппетит.

Одну из первых здешних ведьм сожгли четыре года назад, и среди нынешних зрителей многие при этом присутствовали. Эльза Гвиннер приходилась дочерью казненной, но провинилась она не этим родством. Истинная причина, по которой бедняжка должна была вынести столько мучений и отправиться в мир иной, заключалась в ее отце, почтеннейшем члене городского совета Георге Лауббахе. Он, к слову, не пришел проводить Эльзу в последний путь. Сказался больным, к чему все отнеслись с сочувствием. Георг понимал, что проиграл, тогда как его злейший враг – Рупрехт Зильберрад, известный интриган и главный охотник на ведьм во всем Ортенау – одержал сокрушительную победу.

В отличие от своего соперника, Рупрехт явился на площадь при полном параде. Золотая нить на щегольском дублете, скроенном по французской моде, сверкала в лучах солнца, а большое белоснежное перо на шляпе трепетало на ветру, как шелковый платок придворной красотки.

Зильберрад был по натуре человеком скверного нрава и слыл неумолимым с теми, кто встал у него на пути. Но сам себя он считал мягкотелым, поскольку добился казни лишь одного из отпрысков своего врага. Оставались еще двое, не говоря уже о малолетней дочери Эльзы Гвиннер, которую совет решил помиловать ввиду ее невинного возраста.

– Если говорить начистоту, друг мой, – втолковывал Рупрехт своему спутнику, пока конь под ним нетерпеливо переминался с ноги на ногу, всхрапывая и выпуская из ноздрей облачка белого пара, – я готов побиться об заклад, что не пройдет и пары лет, как эта соплячка последует примеру своей матушки. Известно ведь, что всякая ведьма передает мастерство дочерям... Но я подожду. Терпение – вот главная добродетель мудрого человека.

Кристоф Вагнер, человек ни в коем случае не добродетельный, не приходился Рупрехту ни другом, ни приятелем. В это декабрьское утро у него было плохое настроение, но не только по причине раннего подъема, пропущенного завтрака и холода, от которого не спасал даже подбитый мехом плащ. Просто, так же как смерть Эльзы символизировала торжество Рупрехта Зильберрада, для Кристофа Вагнера она означала его полное бессилие. Хотя знали об этом, по счастью, лишь он сам да его черный конь.

* * *

Кристоф Вагнер терпеть не мог тюрьмы. По этим зловонным каменным клеткам бежали такие жирные крысы, что их хватило бы на несколько сытных ужинов – если бы у заключенных, конечно, нашлось довольно проворства и смелости, чтобы изловить грызунов размером с кошку. Смирившись с тем, что сапоги безвозвратно испорчены сточными водами, Кристоф вышагивал меж промерзших камер, а следом за ним бежал громадный черный пес. Любой, кто видел эту тварь, выложил бы кругленькую сумму, дабы узнать, что за псарня поставляет таких зверюг. Кристоф на все вопросы отвечал, что так удачно ошенилась сука его сердечного друга

из Нюрнберга, по нраву сатана во плоти. Но вот горе, спустя месяц собаку задрал дикий кабан во время охоты, так что больше таких щенков не сыскать.

Когда не было нужды притворяться, хозяин говорил с псом открыто. Он величал его Ауэрханом, а иногда – шелудивым ничтожеством, в зависимости от настроения. Но в этот день Кристоф Вагнер был неразговорчив. Они с Ауэрханом остановились у двери с тяжелым засовом. Перед тем как войти, Кристоф заложил руки за спину и нахмурил брови – выражение, которое придавало его слащавому лицу больше жеманности, чем задумчивости. Он покачался на пятках и бросил на пса недовольный взгляд.

– Вот, друг мой, мы и здесь.

Пес ответил ему широким зубастым зевком.

– Я слышал, что в Нюрнберге заключенные перед казнью могут истребовать любое лакомство, а надзиратель с супругой садятся рядом и любят, как бедный грешник в последний раз в своей никчемной жизни набивает пузо. Как думаешь, чего попросила наша пташка?

Ауэрхан этого не знал. А если бы и знал, то никак не мог ответить хозяину, поскольку был занят другим делом. Молниеносный бросок – и в пасти его забился толстый хвостатый пасюк. Кристоф, пропустивший в этот день завтрак, хотел было приказать псу выплюнуть эту гадость, но было поздно: захрустели кости, и на камни брызнула кровь.

– Ну хоть кто-то из нас будет сыт, – брезгливо заметил Кристоф и толкнул дверь в камеру так, словно она и вовсе не была заперта.

Внутри царил холод, но палач позаботился о том, чтобы заключенной принесли шерстяные одеяла и теплую одежду. Ее последняя ночь должна была пройти без лишних страданий. Мейстер Ганс хорошо знал свое дело. После вывихнутых на strapпaдо плеч и тисков для пальцев дознавателю наверняка стоило немалых трудов вернуть Эльзе Гвиннер человеческий облик.

Несмотря на все усилия сердобольного палача, бедняжка сильно замерзла и дрожала в своем углу на матрасе, набитом свежей соломой. Перед ней на полу стояли миска с копченой ветчиной и глиняный кувшин, доверху наполненный вином. Когда в камеру вошел человек, Эльза, должно быть, решила, что это заплечных дел мастер явился забрать ее на «кровавый суд» – вынесение приговора в ратуше. В ее глазах метнулись ужас и облегчение, знакомые лишь человеку, перенесшему очень много боли.

Кристоф никогда не видел Эльзу до того, как она попала в руки городскому совету. Он мог только представить себе, глядя на изящный рот и большие темные глаза, что когда-то она слыла миловидной. Теперь же перед ним была лишь тень человека. Волосы Эльзы были острижены, и сквозь оставшиеся жалкие клочки просвечивала кожа головы.

Кристоф стянул с руки перчатку, наклонился, наполнил чашу вином и протянул Эльзе. Женщина сидела оцепенев, не в силах даже отказаться. Тогда гость вздохнул, сделал большой глоток и выплеснул остаток вина прямо на земляной пол.

– Что за паршивое пойло! Владелец виноградника должен отрубить себе руку за подобный урожай.

– Кто вы такой? – Голос Эльзы звучал так слабо, что Кристоф скорее угадал, чем услышал ее вопрос. Женщина перевела испуганный взгляд на гигантского пса и снова на его хозяина.

– Мое имя ничего вам не скажет, фрау Гвиннер. Говорят, в начале декабря вы признались, что сношались с самим дьяволом...

– Это не так.

– А потом забрали свои слова назад.

Эльза Гвиннер резко втянула воздух сквозь стиснутые зубы, словно испытывала боль от одного лишь воспоминания. Ее арестовали по обвинению в ведовстве тридцать первого октября, сразу после того как под стражу взяли сестер. Позже их освободили за недостатком улик, но в остальном удача отвернулась от семьи, в особенности от Эльзы.

Несмотря на внешнюю хрупкость, молодая женщина поразила городской совет своей стойкостью. Во время пыток она раз за разом повторяла: «Отец Небесный, прости им, ибо не ведают, что творят», и даже палач, в чьих искусных руках побывало много подлецов и лихоимцев, выказал ей уважение. Но в одном Эльза ошибалась: совет прекрасно знал, что творил. Отчаявшись добиться от жертвы признания с помощью тисков и strapпaдо, ее враги прибегли к последней мере – привлекли в качестве свидетеля ее семилетнюю дочь Агату. Единственная порка едва не вышибла из девочки дух и легко вытряхнула из нее свидетельство против родной матери.

Кристоф поцокал языком, разглядывая лицо Эльзы, на котором даже накануне казни сохранилось непримиримое выражение. Именно эти сжатые зубы и блестящие глаза наверняка выводили из себя Рупрехта Зильберрада.

– Я слышал, совет решил помиловать вашу дочь.

– Она мне не дочь, – выплюнула фрау Гвиннер. Такие вещи частенько говорят в сердцах, но Эльза хорошо обдумала свои слова. – Моя дочь никогда не оклеветала бы родную мать даже под пытками.

– «Кто злословит отца своего или свою мать, того должно предать смерти», – согласился Кристоф, но только потому, что на ум пришла подходящая случаю цитата. – Жаль, фрау Гвиннер, что у вас отняли возможность завести еще детей и воспитать их как следует, чтобы они были достойны вас.

Вероятно, эти слова незнакомца вызвали во рту Эльзы горечь, потому что она наполнила свою чашу и осушила ее одним глотком, морщась от кислоты. Допив вино, обтерла потрескавшиеся губы рукавом шерстяного платья и спросила уже спокойно, без надрыва:

– Зачем вы явились?

Кристоф развязно улыбнулся:

– Вы поразили меня мужеством и твердостью в вере, фрау Гвиннер. Поэтому я хочу дать вам возможность сохранить жизнь.

В упрямом взгляде узницы мелькнула надежда. Эта переломанная, искалеченная молодая женщина, обреченная на мучительнейшую из казней, хотела жить и ухватилась за обещание Кристофа, как утопающий за соломинку. Она подалась вперед, не обращая внимания на холод в камере и на то, что одеяло соскользнуло с худых плеч.

– Вас прислал мой отец? Меня помиловали?

Пес, который до того сладострастно вычесывался в углу камеры, издал странный звук, как будто подавился. Со стороны могло показаться, что он смеется. Кристоф вздохнул:

– Боюсь, что нет, моя дорогая. Пока – нет. Но будьте покойны, после того как мы с вами закончим, вас не просто помилуют, вас вынесут из этого смрадного дома скорби на руках. Позже вы сможете отомстить всем своим обидчикам.

Но месть Эльзу не заинтересовала, и Кристофа Вагнера это даже несколько раздосадовало. По его скромному мнению, такая возможность придала бы освобождению пикантный привкус. Впрочем, убедить фрау Гвиннер в том, что расправа над Зильберрадом не лишена приятности, он еще успеет. Пленница тем временем переводила нетерпеливый взгляд с него на приоткрытую дверь камеры и наконец не выдержала:

– Господь с вами, что вы от меня хотите? Явились по указке совета подразнить меня в последний раз? Тогда вы будете гореть в аду!

– О! – Кристоф как-то разом воспрял духом и оживился. Он налил себе вина и сделал несколько шагов по тесной клетушке, не выпуская из рук наполненной чаши и сокрушаясь про себя, что превратить в толковое вино эту бурду куда труднее, чем простую воду. – Тут вы не ошиблись, милая фрау. Мне, без всяких сомнений, уготована геенна огненная, но причиной тому будет отнюдь не этот визит. Более того, я искренне полагаю, что совершаю благое деяние, ибо воздастся каждому по делам его.

Он остановился у крошечного оконца. Отсюда открывался вид на городскую площадь, где помощники палача уже складывали костер.

– Так что я должна сделать для своего освобождения?

Он медленно повернулся к ней, и в глазах заключенной отразился ужас: она поняла, что именно от нее требуется. Кристоф Вагнер не держал в руках тисков и не истязал плоть Эльзы, но слова его вонзились в ее разум, причиняя куда большие страдания, чем руки мастера Ганса.

– Сущий пустяк, дорогая фрау. Мой друг, – он кивнул на пса, – избавит вас от казни, но взамен кое-что потребует, так уж заведено у их брата. Однако вы ничего не потеряете, поскольку уже отrekliсь от кровного родства. В обмен на свободу вы должны отдать Ауэрхану свою дочь Агату.

Эльза ушла не дослушав. Нет, она не встала на ноги и не покинула камеру, но глаза ее потухли, словно дух оставил тело и унесся прочь. Фрау Гвиннер, пережившая полтора месяца пыток, чья казнь была назначена за четыре дня до Рождества Христова, не желала слушать мерзостей в последние часы своей жизни. Она не отреклась от Бога, даже когда ее тело превратилось в кровавый мешок, не отречется и теперь. А отдать дьяволу свою плоть и кровь означало пойти против божественного закона. Все это Кристоф прочитал на ее лице, и эта неуступчивость разожгла в нем гнев.

Он наклонился к Эльзе так резко, что женщина отшатнулась.

– Слушай сюда, Эльза Гвиннер! На городской площади уже сложили дрова для костра. Твой муж Мартин подкупил палача, чтобы тот задушил тебя перед казнью шелковым шнурком, но Зильберрад дал мастеру вдвое больше серебра, поэтому твои крики все же долетят до ушей твоего муженька и никчемного папаша. Ты уже доказала свою праведность, и это ничем не помогло. Так докажи теперь, что у тебя есть хребет!

Медленно, точно глаза перестали ей повиноваться, Эльза подняла на него взгляд. Мгновение она рассматривала лицо Кристофа перед тем, как плюнуть в него и размашисто перекреститься, сжав в руке кипарисовые четки, что передали ей от Мартина.

Кристоф выдохнул и выпрямился. Достал из кармана дублета белый платок и насухо вытер щеку. В приступе раздражения он пнул глиняный кувшин, и вино выплеснулось на земляной пол. Многие преступники перед казнью осушают свои кувшины до капли, чтобы опьянение помогло им справиться с предстоящей болью. Так пускай у этой дряни не будет такой возможности! Морщась от негодования, Кристоф коротко бросил ей на прощание: «Дура» – и покинул камеру.

Следом за ним засеменил черный пес, высматривая очередную крысу.

* * *

Ближе к полудню хрустальный предрождественский воздух Оффенбурга всколыхнул колокольный звон из церкви Святого Креста. Он взволновал толпу, которую едва сдерживала дюжина вооруженных стражников. Когда Эльза Гвиннер в слепяще-белом одеянии появилась на пороге ратуши в сопровождении двух капелланов и палача, народ внезапно притих. Даже опьяневшая молодежь присмирела и оборвала скабрезную песенку, не закончив куплет.

Эльза была слаба, поэтому помощники палача несли ее на стуле до самого места казни. Удивительное дело: ни новая легконогая лошадка судьи, ехавшего перед Эльзой, ни его богатый наряд не привлекали столько внимания, сколько обыкновенная измученная женщина. Фрау Гвиннер горячо молилась всю дорогу до площади, где, сойдя со своего импровизированного трона, смиренно отдалась в руки палача. Когда мастер Ганс усаживал ее среди бушелей соломы и вешал ей на шею тщательно просмоленные венки, она пообещала замолвить за него словечко перед Господом. Мастеру это понравилось, он тепло поблагодарил Эльзу и сунул ей в руки деревянное распятие, что передала ему жена.

Первой занялась солома. Ветер в тот день дул так сильно, что ее пришлось прибить кольями к земле, иначе полыхающие стебли разлетелись бы по всему городу. Народ ждал. Так маленькие дети подслушивают, как рожают их матери, испытывая смутное щекотное чувство в животе – смесь ужаса и постыдного удовольствия, названия которой человек еще не придумал.

Но в тот день зеваки и господин Рупрехт Зильберрад не получили желаемого. Эльза умерла за мгновение до того, как первые искры коснулись белоснежной рубахи. Так распорядился высокий человек, что подошел к заплечных дел мастеру прямо у ратуши, пока женщине выносили окончательный приговор. Мейстер Ганс никак не ждал, что перед ним словно из-под земли вырастет некто с восковой кожей и очень крупными острыми зубами. Незнакомец представился Ауэрханом, вручил палачу плотно набитый мешочек и велел все-таки задушить ведьму перед сожжением.

Признаться, эта просьба пришлась мейстеру по душе – ему не хотелось, чтобы Эльза мучилась. А потому, затягивая шнурок на тонкой шее, он испытал глубокую и искреннюю радость от хорошо проделанной работы.

Глава 2

Сожжение Эльзы Гвиннер стало приятным преддверием Рождества, наступившего спустя четыре дня. Казнь придала празднику своего рода завершенность. Ратушу украсили венками, а на городской площади вместо костра теперь шло представление: актеры изображали изгнание Адама и Евы из рая. Праотец и праматерь были слегка под хмельком, но так было даже интереснее. Благодарные зрители гоготали и требовали, чтобы Ева разоблачилась, как того требует Эдемский сад. Хорошенькая фройляйн, раздумываясь на морозе, прижимала к себе тряпичную змею-искусителя с глазками-пуговками и скромно протягивала «Адаму» сморщенное яблоко.

Кристоф Вагнер велел Ауэрхану отсыпать актерам серебра. Несмотря на недавнее разочарование, он был полон радостного нетерпения. Вагнер никогда не ждал чудес, но доверял своему чутью. А потому, получив в последнее воскресенье адвента приглашение от одного из членов совета, герра Фалька, отметить Рождество в кругу его семьи, он велел Ауэрхану немедленно ответить согласием. Обычно Кристоф Вагнер проводил праздничную ночь в окружении привлекательных шлюх и томных юношей, готовых разделить с ним страсть к вину и дебошам. Но если старого демона и удивила нынешняя прихоть господина, то виду он не подал.

В гости к Фальку Кристоф собирался с особым тщанием. Он знал, что хорош собой, пусть в нем и не было той мужественной привлекательности, которой кичатся богатые юнцы, не обделенные вниманием женщин. Во внешности Кристофа сквозило скорее что-то манерное и развязное. В его повадках было больше женского, чем мужского, но самого Кристофа это ничуть не смущало. Более того, стоило ему заметить, что кому-то не по душе его ужимки, как он принимался ёрничать и кривляться еще сильнее, доводя собеседника до бешенства. Несмотря на это, многие стремились назвать себя его приятелями, еще ничего о нем не зная. Он же охотно величал друзьями всех подряд, отчего сразу становилось ясно, что настоящих друзей у него нет.

Никто, кроме Ауэрхана, не знал, сколько лет Кристофу Вагнеру, но по виду ему можно было дать не более тридцати. В его темных волосах еще не появилась седина, а в осанке – усталость, свойственная почтенным бюргерам. Скулы его были остры и выразительны, а брови – черны и надменны. Никто не поверил бы, что Вагнер помнит Реформацию, которая разгорелась на германских землях почти шестьдесят лет назад. Скажи он это, ему ответили бы с лукавым смешком: «О, мой дорогой друг, тогда вы должны быть совсем дряхлым стариком, если, конечно, не продали душу дьяволу за вечную молодость!»

Разумеется, Кристоф Вагнер продал душу дьяволу – но не за одну только кожу без единой морщинки или отсутствие старческой поволоки на глазах. Большинству и того было бы довольно: за вечную молодость люди готовы нафаршировать головы собственных детей лесными ягодами и подать их Сатане на обеденный стол. Однако Кристофу за меньшую цену удалось получить гораздо больше. За долгие годы и власть, и богатство потеряли для него вкус, сделались не ценнее покрытой патиной монеты, но он относился к этому философски: гораздо лучше, рассуждал он, обладать богатством, властью и красотой и оставаться к ним равнодушным, нежели не обладать ими вовсе.

В этот сочельник приподнятое настроение Кристофа вместо обычной апатии так обрадовало Ауэрхана, что демон расстарался на славу. Бархатный камзол глубокого винного цвета, сшитый по последней моде, лоснился, точно лошадиная шкура. Манжеты и ворот украшало голландское кружево. Ботфорты на высоком каблуке плотно облегли ноги. Кристоф оценил наряд.

Дом герра Фалька находился недалеко от знаменитого трактира «Солнце». Большую часть просторной гостиной занимала разлапистая пихта, привезенная несколько дней назад из

Шварцвальда и не успевшая еще высохнуть и осыпаться. Обычные горожане не устанавливали в домах срубленные деревья – обходились тем, что стоит в ратуше. Невероятный запах жареного мяса и лесной свежести кружил гостям головы. Приветливая фрау Фальк встречала пришедших у порога и угощала их горячим глювайном с зубчиками гвоздики и звездочками аниса.

В доме Фальков было так натоплено, что лица присутствующих покраснелись, а на висках выступили капельки пота. Кристофу это понравилось: он обожал жару, которая для иных казалась мучительной. Понравилась ему и пихта, от пола до потолка украшенная финиками и крендельками, орехами и бумажными цветами. Вино его развеселило, и он сделался разговорчивым и обаятельным.

По случаю завершения поста на стол выставили все самое лучшее: колбасы, вино, ягненка, запеченного с кориандром, квашеную капусту, соленую сельдь и ветчину, копченую на пихтовых опилках... Славное вышло разговение. Кристоф достал из чехла на талии серебряную ложку, попробовал подливку и рассыпался в комплиментах хозяйке.

Зильберрад тоже явился в компании очаровательной жены Эммы, которая была значительно моложе мужа, а из-за небольшого роста и располагающего круглого лица и подавно походила на ребенка. Эмма, уже заметно в тягости, много улыбалась, поддерживая жизнерадостную болтовню с хозяйкой дома. Рупрехт же сиял, как бок натертой до блеска супницы. Ему уже сообщили, что с его соперником Лауббахом после казни дочери случился удар и теперь он даже с кровати встать не может. Кристоф слушал без любопытства. Дразги членов местного совета не представляли для него интереса.

В остальном он был доволен. Ужин портила лишь орава детей, игравших в салки вокруг стола. Нянька безуспешно пыталась поймать озорников, но в ответ на грозные взгляды госпожи Фальк только разводила руками. Пригрозила было им Крампусом с его громадным мешком, но тут уже господин Фальк так рявкнул на бедную женщину, что та споткнулась. Кристоф мягко засмеялся, встал, отодвинув стул, и подошел к детям.

– Полно вам, – мурлыкнул он, улыбнувшись и присев перед младшими Фальками: двумя девочками и мальчиком. – Даже малые дети знают, что Крампуса не встретишь после Дня святого Николая.

Он переводил взгляд с одного ребенка на другого, решая, какой из них ему менее противен. Смущенная госпожа Фальк рассыпалась в извинениях и хотела было отвести детей наверх, но Кристоф остановил ее решительным жестом.

– Я знаю, чем вас занять. Небось ждете подарков?

Маленькие алчные глазки загорелись. Разумеется, родители уже наградили их всякой чепухой вроде засахаренного печенья и яблок, но взгляд Кристофа обещал нечто большее. Кивком он подозвал Ауэрхана, который словно из воздуха извлек три деревянные коробки, обвязанные лентами. Жадные ручонки нетерпеливо сорвали ленты, нырнули внутрь и извлекли на свет небывалой красоты игрушки. У мальчика в руках оказались разукрашенный рыцарь на лошади, английские собачки и всякое оружие. Девочкам достались куклы в атласных платьях с модными гофрированными воротниками.

– Где же вы взяли такую красоту? – выдохнула фрау Фальк, всплеснув руками.

– Один из моих добрых друзей держит кукольную мастерскую в Нюрнберге.

Как и ожидал Кристоф, дети, получив игрушки, согласились немедленно оставить взрослых в покое. Стоило стихнуть их воплям, как разговор за столом перешел на серьезные темы. Обсудили недавнюю казнь и судьбу двух сестер Эльзы, которые остались на свободе. Кристоф отметил, что, едва зашел разговор о ведьмах, Эмма Зильберрад вмиг утратила свою живость, присмирела и сделала вид, что интересуется только десертом.

– Как же меня пугают все эти разговоры, – наконец призналась она. – Кто бы мог подумать, что ведьм так много в тихих местечках, подобных нашему!

– Полагаю, дьяволу все равно, куда отправлять своих слуг, – заметил Рупрехт Зильберрад и сжал ее маленькую ручку. Такое проявление нежности удивило Кристофа.

Незаметно для самой себя фрау Фальк, которую перестали терзать дети, опьянела, и язык у нее развязался. Она принялась загибать пальцы:

– В ноябре обезглавили эту бедняжку Марию, прими Господь ее душу, а год назад была история с женой трактирщика... Как, бишь, ее звали...

– Рокенбах. Кристина Рокенбах, – подсказал Зильберрад.

– О да, точно! – невесть чему обрадовалась захмелевшая фрау Фальк.

Эта радость была так неуместна, что ее муж неловко откашлялся, а Эмма возразила:

– Кристина созналась в своих злодеяниях и была отпущена на свободу, ибо правдой прогнала демона из своего разума.

Почему-то эти слова окончательно привели фрау Фальк в возбуждение, вместо того чтобы успокоить. Глядя на нее, Кристоф был готов решить, что кто-то из мелких чертенят развлекается, вытаскивая из нее все новые и новые подробности, смущавшие гостей.

– Это и есть самое удивительное! – воскликнула она и повернулась к мужу: – Ты ведь говорил, что эта ведьма даже назвала своего демона по имени... *Штумм-пфэффлин*, или как его там.

За столом внезапно воцарилось молчание. Герр Фальк метнул испуганный взгляд на Зильберрада, лицо которого оставалось совершенно непроницаемым.

– Дорогая, – пробормотал он, – пожалуйста, не нужно упоминать такие вещи за столом.

– А она точно говорила о демоне, а не подавилась случайно? – не удержался Кристоф. Это был вопрос, который искренне волновал его, хотя ответ был очевиден: если кто-то называет имя во время пыток, неудивительно, что звучит оно несколько неразборчиво. Но его слова разрядили обстановку: гости неуверенно засмеялись, и усмехнулся даже судья, который во время этого неуклюжего разговора совершенно не знал, как реагировать.

Не улыбался только Зильберрад.

– Вам это кажется смешным, герр Вагнер? – прохладно уточнил он, отправляя себе в рот маленький кусочек мяса. – Потешаетесь над слугами дьявола?

Смех гостей резко оборвался. Никому не хотелось перебегать дорогу главному охотнику на ведьм в Ортенау. Кристоф беззаботно откинулся на стуле, сложив руки перед собой и склонив голову набок. Он чувствовал страх присутствующих так же, как ощущал его Рупрехт.

– Ну разумеется, друг мой. Ничто не может смутить князя тьмы больше, чем смех. Больше всего на свете он не любит, когда над ним потешаются. Расскажу вам одну историю, которую поведал мой хороший приятель, ныне покойный. Сразу скажу, она может быть несколько солона для дамской компании.

Фрау Фальк кокетливо улыбнулась и хихикнула, прикрыв рот рукой. Зильберрад заинтересованно поднял густые черные брови и вместо вина налил себе воды.

– Как-то раз в Магдебурге у одного человека умер ребенок. После его смерти под крышей несчастного родителя то и дело раздавался детский плач, столь отчаянный и горький, что у всех живущих в доме сердце уходило в пятки...

Очень кстати за окном завывала и закрутилась белоснежными вихрями метель. Гости вздрогнули и поежились от удовольствия: мало что может украсить рождественскую ночь так, как страшная история.

– Тогда этот человек решил, что несчастная душа не может попасть в рай, пребывая в чистилище, и необходимо денно и нощно молиться, дабы она разрешилась от греха. А своим плачем ребенок давал родным понять, что он страдает.

– Разумно, – отметил судья, поглядывая на Зильберрада.

– Но мой товарищ, проповедник, заверил отца, что все это чушь собачья, – ровным голосом продолжил Кристоф. – Сказал, что это не их ребенок посылает восточку с того света, а

сам враг рода человеческого насмехается над чужим горем. Он велел им, услышав плач, всячески высмеивать дьявола в ответ, и чем язвительнее будут их шутки, тем лучше. Когда Сатана понял, что его раскусили, то стал придумывать иные способы изводить домочадцев. Явился к одному из гостей дома и всю ночь стягивал с него одеяло. А как-то раз возник у хозяйки на кровати под видом полчища мерзких крыс. Сколько бы она их ни стряхивала, крысы не уходили. Тогда эта находчивая фрау высунула свой *culus* и испустила ветры, крикнув при этом: «Смотри, дьявол, вот и посох для тебя. Возьми же его и отправляйся в паломничество к своему идолу!» Таким образом Сатана был посрамлен и оставил сей дом, *quia est superbus spiritus et non potest ferre contemptum sui*¹

Когда Кристоф закончил свою историю, за столом хохотали все, кроме Эммы. Громче всех фрау Фальк, успевшая за время рассказа пригубить еще вина. Даже Зильберрад посмеялся благодушно, но фальшиво. Кристоф считал, что мужчины с такими кислыми лицами ни на что не годны в постели, но решил поделиться своими взглядами с Рупрехтом позже. Как представится случай.

– Этот ваш друг был католиком? – уточнил он.

– Лютеранином. Но весьма порядочным, надо сказать.

«Интересно, – подумал Кристоф, – как бы они оценили шутку, если бы знали продолжение фразы, которую произнесла та храбрая женщина, обращаясь к дьяволу». «Смотри, – на самом деле сказала она, – вот и посох для тебя. Возьми же его и отправляйся в паломничество к своему идолу, папе римскому. Отпусти-ка у него грехи!» Историю эту он услышал от доктора Лютера, мастера по части всяческих юморесок. Не чета унылым папистам... Конечно, наивно с его стороны было думать, будто Сатана отступит перед голым задом. Но он оценил бы шутку!

Ночь плавно перетекала в то время, когда одни гости слишком опьянели, другие впали в сонную апатию, а третьи – в нездоровое оживание. Не зная, к какой из компаний примкнуть, Кристоф решил, что будет с него на сегодня постных физиономий. Он незаметно подал Ауэрхану знак, чтобы тот принес его плащ, и краем глаза отметил, что Зильберрад тоже послал слугу за верхним платьем. Холодные глаза Рупрехта были совершенно трезвы и стеклянны, а взгляд неподвижен, как у хищника. А ведь ночка могла бы выдаться не такой уж скучной...

Внезапно раздался грохот, и с лестницы кубарем слетели трое маленьких ублюдков, коих он совсем недавно одарил игрушками, достойными детей герцогини Саксонской. Лица у всех троих были зарезанными и пунцовыми, рты уродливо раззявлены. Перебивая друг друга, они толковывали что-то своей матушке, растерянной и хмурой после выпитого.

– Не тараторьте! – прикрикнула она. – Я ничего не могу разобрать! Марта, что стряслось?

Задыхаясь от слез, одна из девчонок выдавила из себя:

– Она бросила наших кукол в огонь... прямо в печь! Сказала, что мы тоже будем гореть, как ее матушка! Я своими ушами слышала! Все сожгла: и куколок, и собачек, и платьица...

Кристоф замер, не застегнув плащ. Зильберрад тоже.

– Вот я задам этой твари! Мало ей было! – рыкнул хозяин дома, но, поднявшись, едва не рухнул прямо на столешницу. Покачнулся и не сразу обрел шаткое равновесие.

– Позвольте, о ком идет речь? – полюбопытствовал Кристоф у фрау Фальк.

Она покусала губы. Взгляд забежал по комнате. Видно было, что ей не хочется говорить. По задержавшимся гостям сразу можно было прочесть, кто в курсе происходящего, а кто нет. Судья сухо откашлялся и наморщил лоб:

– Полагаю, они говорят о малолетней Агате Гвиннер.

Зильберрад был абсолютно неподвижен, только желваки на челюстях напряглись. Заметив это, Эмма осторожно коснулась локтя мужа, и он отмер, даже сумел накрыть ее ладонь своей.

¹ «Ибо он – гордый дух и не может выносить презрения» (лат.).

– Разве Агата Гвиннер не заперта в карцере? – уточнил он голосом таким ровным, что восхитил даже Кристофа. Вопрос был адресован судье – человеку влиятельному и твердому, который под взглядом Зильберрада робел, как пес при виде кнута.

– Суд принял решение освободить ее из тюрьмы и оставить на попечении совета, – прозвучало это нерешительно, будто судья сам сомневался в верности приговора. – До Рождества ее было некуда деть. Господин и госпожа Фальк любезно согласились присмотреть за ней, пока мы не решим, каким образом отправить ее в ссылку.

– Вот как?

За этим загадочным «вот как» могло прятаться все, что угодно. Ясно было одно: хотя Зильберраду была безразлична судьба семилетней Агаты, ему не понравилось, что его не поставили в известность о переменах.

– Это ведь та самая девочка, которая заявила, что мать ее сношалась с дьяволом? – вежливо уточнил Кристоф. Получив в качестве ответа сухой кивок от Рупрехта, он оживился: – Я хочу на нее посмотреть!

Не успели хозяева дома его остановить, как он вцепился обеими руками в плечи малолетних нытиков и велел:

– Ведите, показывайте!

* * *

Вслед за детьми по лестнице взобралась вся небольшая компания гостей, жаждущих завершить этот вечер чем-нибудь приятным вроде скандала или убийства. Но Кристоф вырвался вперед, и все отступили, по справедливости признавая его первенство. В конце концов, именно он громко заявил: «Хочу посмотреть!»

Кристоф и сам не мог бы ответить, что привлекло его внимание. Зачем, ради всего святого, любоваться еще одним уродцем? Но его последний визит к Эльзе Гвиннер и то, с каким раздражающим достоинством она отвергла его помощь, оставили в душе Кристофа непроходящий зуд и ощущение незавершенности, как если бы Эльза ответила отказом на его ухаживания и уехала, не оставив адреса.

Они обнаружили Агату Гвиннер сидящей на ковре перед изразцовой печкой. Девочка расположилась у открытого пламени и выглядела совершенно беззаботно, как будто и не она только что, по словам большеротых Фальков, сожгла все подаренные игрушки. Заслонка была отодвинута, и шальные искры вырывались наружу. Они тухли в полете, не успевая коснуться ковра, но был лишь вопрос времени, когда один из огоньков окажется упрямее собратьев и заставит полыхнуть весь дом.

Фальки нарядили Агату в платье одной из своих дочерей, но оно было так велико, что пояс пришлось обмотать вокруг живота несколько раз. Рукава свободно болтались на костлявых руках. Месяц в ледяном карцере не прошел для нее бесследно.

– Разве у девочки не осталось родственников? – вежливо поинтересовался Кристоф. Когда он вошел в комнату, Агата не шелохнулась, не повернула головы. Со стороны могло показаться, что она не заметила толпы, но Кристоф знал, что она все видит и слышит. Он уже встречал таких людей, которые смотрят, казалось, не только глазами, но будто бы всей кожей. Кристоф понял это по тому, как чуть заметно напряглись ее плечи, выпрямилась спина – верные признаки того, что Агата Гвиннер вся обратилась во внимание.

– Отец от нее отрекся, – тихо пояснил Фальк. Кроме Кристофа, никто не рискнул заходить в комнату, словно девчонка была заразна или проклята. – Вся семья винит Агату в том, что она свидетельствовала против матери.

Он смущенно кашлянул. Оно, конечно, правильно, когда изобличают грешника, даже если вас связывают кровные узы. Вот только никому не хотелось бы, чтобы их собственные

дети при случае сдали родителей перед судом... Поэтому никто толком не знал, как относиться к Агате.

– Сейчас Мартин Гвиннер вроде бы сменил гнев на милость и желает забрать дочку домой. Но это совершенно невозможно, потому что ей положена ссылка.

Очередная искра отлетела на платье девочки и прожгла в нем дыру, но Агата осталась неподвижна. Кристоф приблизился мягкими кошачьими шагами и закрыл печную заслонку. Впервые ему представилась возможность взглянуть в лицо девочки.

Агата была одновременно похожа и не похожа на мать: та же упрямая линия губ, тот же острый подбородок... Лицо рисовалось резкими линиями и тенями, которые делали девочку старше. Кристоф не нашел в нем по-девичьи нежного овала, золотистых локонов и ясных голубых глаз. Волосы были густыми и черными, а в безумных глазах все еще сверкали искры. Это пришлось ему по душе. Безумие Кристоф не без оснований считал своей стихией, а люди на грани помешательства всегда вызывали у него симпатию. Ауэрхан как-то сказал, что души детей – точно сдобные булочки. Жаль, что с возрастом они черствеют и портятся, наполняясь жадностью и корыстью. Кристоф ничего не знал о душах, но, глядя в лицо Агаты, мог бы точно сказать, что перед ним совсем не сдобная булочка.

На ковре валялась отломанная нога игрушечного спаниеля. Проследив за взглядом Кристофа, Агата подняла ее и, аккуратно приоткрыв заслонку, отправила следом за прочими игрушками. При виде этого гости как будто очнулись и вспомнили, что уже засиделись и пора бы отправляться по домам. Господин Фальк, смущенный и растерянный, метался туда-сюда, не зная, спускаться ли ему вслед за гостями или остаться. Зильберраду надоело его мельтешение, и он предложил хозяину заняться проводами, а они уж тут как-нибудь сами разберутся...

Кроме Зильберрада, Кристофа, Агаты и Ауэрхана в комнате остался герр Эбенслауф, судья – тот самый, что вынес смертный приговор Эльзе. Он, вероятно, и рад был бы уйти, но что-то держало его рядом с осиротевшей малюткой. Должно быть, из-за неопределенности ее судьбы его мучили угрызения совести.

– Милое дитя, – голос Кристофа сочился медом, – скажи мне, отчего ты так жестоко поступила с этими несчастными куклами и собачками?

Агата молчала, уставившись в одну точку. Тогда он задал следующий вопрос:

– Дети достойных госпожи и господина Фальков сообщили, что ты угрожала им, будто кинешь их в огонь, как этих кукол. Правду ли они сказали?

– Нет, господин.

Ему понравилась ложь этого трогательного утенка. Он терпеть не мог тех, кто обманывает неуклюже, жует слова или прячет взгляд. Из Агаты могла бы вырасти потрясающая лгунья, не в пример ее бестолковой мамаше.

Агата указала пальцем на печную заслонку и беззаботно заметила:

– Подумайте сами, разве ж они влезут в такую маленькую дверцу?

«Только если порезать их на кусочки», – добавила она так тихо, что услышал только Кристоф, и это окончательно растопило его сердце.

В конце концов, он давно подумывал найти ученика – кого-нибудь неглупого и способного. Правда, ему казалось, что это будет мальчишка вроде него самого во время первой встречи с Доктором. Шумный, острый на язык, развратный, завязанный враль и кутила... Но почему бы не рассмотреть другие возможности? Чтобы принять взвешенное решение, Кристофу требовалось побеседовать с Агатой как следует, выяснить ее склонности и таланты. Вот только он всей душой – коей не ощущал – презирал взвешенные решения, считая их уделом трусов и бесхребетных простаков. А потому, едва покинув комнату в компании Зильберрада и судьи, заявил весьма твердо:

– Раз уж вы все равно понятия не имеете, что делать с девочкой, позвольте мне взять на себя обязанности ее опекуна. Мы отправимся в Вайссенбург к моей тетушке и оседем там.

Зильберрад ничуть не удивился. Кристоф понял это по металлическому блеску его глаз и напряженному не улыбочивому рту. Эбенслауф же растерялся:

– Позвольте, господин Вагнер, зачем молодому человеку вроде вас взваливать на себя такую ношу? За версту видно, что у девчонки скверный характер! Разве будет так себя вести обычный ребенок?

Кристоф засмеялся и доверительно взял судью под руку:

– Помилуйте, о какой ноше вы говорите? Я доставлю ее к тетке и вспомню о ней, даст бог, только перед конфирмацией. А уж моя тетушка, поверьте, сумеет наставить Агату на путь истинный. Мне нетрудно оказать городу такую любезность, раз уж вам надо разобраться с ее ссылкой. – Он перевел взгляд на Зильберрада: – Вы ведь сами сказали накануне, друг мой, что яблочко от яблони недалеко падает. Так дайте юной Гвиннер шанс на спасение!

Зильберрад молчал, обдумывая слова Вагнера. Будучи человеком жестким, он был не лишен слабостей – не тех, в каких признаешься под хмельком в борделе, но тех, которые прячешь в темной шкапулке, надеясь, что никто о них не узнает. При всем своем здравомыслии Рупрехт был суеверен и подозрителен. Он предпочитал держать врагов в поле зрения и избавляться от их детей до того, как они станут опасны. Но сейчас, вероятно, он не увидел ничего плохого в небольшом попустительстве странному гостю. Кристоф легко мог прочесть его мысли, которые, надо отдать им должное, были быстрее и ловчее мыслей большинства собравшихся сегодня за ужином.

«Всегда приятно иметь дело с человеком, которому ты когда-то оказал услугу».

* * *

Когда на долю Ауэрхана выпадал редкий выходной, он настраивал себя на длинное, тягучее удовольствие, какое демон может получить только в уединении. Ауэрхан никого не посвящал в свои слабости. Даже его хозяин и господин Кристоф Вагнер, повидавший и испытывший за свою жизнь всякое, выказал бы истинное отвращение, покажи ему демон, чем он занят в свободное время.

Первым делом Ауэрхан выкладывал из ларей и шкафов всю одежду Кристофа: льняные сорочки и бархатные камзолы, дорожные плащи и тонкое кружево... Требовалось проверить каждый дюйм ткани и убедиться, что нигде нет дырок от моли, завязки не истрепались, а пуговицы не оторвались. Если же несчастье произошло, вещь нужно было немедленно починить, чтобы никто со стороны даже не понял, что перед ним не обновка. Кристоф ходил щеголем, при этом к одежде относился по-нищенски небрежно. Не так, как добрый крестьянин, который латает свои башмаки и клянется, что в следующий раз будет аккуратнее, а как пьяница и попрошайка, которому плевать, сколько прорех у него на плаще.

Покончив с заплатами, Ауэрхан принимался заново складывать платья в сундуки, пересыпая их лавандой от моли и разглаживая складки. На десерт оставалась обувь. За чистой сапог Кристоф и отыскал слугу. Он ввалился в крошечную комнатку, где уединился Ауэрхан, в темноте нащупывая стену. Демону свет не требовался, а потому он экономил свечи, но к визиту Кристофа всегда был готов и тут же достал из-за пазухи огарок, который припас накануне утром. Расточительная экономка уже собиралась выбросить его, но Ауэрхан указал ей, что воска и фитиля тут хватит еще на четверть часа, а если так обращаться со свечами, скоро они будут сидеть во мраке, как до первого дня творения.

Демон подул на фитиль, и пламя покорно занялось. Кристоф, пошатываясь, стоял в дверном проеме. Рубаха на нем была распахнута, в одной руке он сжимал ополовиненную бутылку шпатбургундера. Любой, кто не знал Вагнера так хорошо, как его преданный слуга, решил бы, что тот мертвецки пьян. В таком состоянии вываливаются из кабака, делаясь лакомым кусочком для карманников, которым только и остается, что дожидаться, когда надравшийся просто-

филя рухнет в канаву. Ауэрхана, впрочем, это представление не убедило. Хотя Кристоф легко мог изобразить и развязный кутеж, и хмельную ярость, на деле выпивка мало действовала на него.

По-настоящему пьяный Вагнер часами сидел у окна, пялясь в стену и размышляя, не оборвать ли все разом прямо сейчас. А еще он извлекал на свет длинный ящик из резного дерева со сложным замком, в каком могли бы лежать очень большие шахматы или музыкальный инструмент. Но внутри пряталось нечто иное: выбеленные временем кости, аккуратно разложенные в выемки на бархатной подложке. Здесь был череп, склеенный из множества мелких обломков, с дырой в области затылка и несколько костей помельче: пястные и лучевая. Никакое богатство в мире не могло сравниться для Кристофа с этим сокровищем.

– Старый черт, я велел тебе сегодня хорошенько отдохнуть!

– Я отдыхаю.

Кристоф пинком откинул уже начищенный Ауэрханом ботинок в угол комнаты и уселся на низкий табурет, вытянув ноги. Сделал большой глоток вина и отставил бутылку, признавая поражение.

– Паршивая брага... Ты известил Фалька, что мы заберем малютку из его дома после Богоявления?

– Известил.

За шестьдесят лет Ауэрхан показал себя как исполнительный и пунктуальный слуга. Он всегда точно знал, сколько свечей и угля осталось в доме, и следил, чтобы кухарка срезала все мясо с костей. Кто-то назвал бы это прижимистостью, но демон предпочитал слово «бережливость».

– Поди, старик рад-радешенек, что мы избавим его от девчонки?

– Полагаю, так.

Кристоф постучал доньшком бутылки о свой каблук и задумчиво протянул:

– Нам понадобится женская прислуга, и лучше бы найти ее здесь. Кого мы сможем отыскать в Шварцвальде? Разве что какую-нибудь деревенщину, которая если чему и сможет обучить Гвиннер, так только убирать навоз за коровами.

Ауэрхан почувствовал укол досады, что не подумал об этом заранее. Конечно, девочке понадобится нянька!

– Могу я задать вопрос? – после некоторых размышлений уточнил он. У Кристофа, когда он в таком настроении, всегда лучше было заранее выяснить, допустимо ли совать нос в его планы. Но Вагнер только благодушно кивнул и ухмыльнулся, уже зная, о чем демон хочет спросить. – Каковы ваши намерения относительно Агаты Гвиннер?

Кристоф поджал губы и уставился в окно. Полная яркая луна висела среди мрачных облаков, точно небесная скотница поставила подойник, в котором плескалось сияющее белизной молоко. Он никогда не понимал, как люди умудрялись разглядеть на поверхности луны лицо или зайца. Для него она всегда оставалась гладкой, точно шелк или нетронутый лесной снег.

– Дьявол их разберет, мои намерения, – наконец признался он. – Просто хотелось насолить Зильберраду. И потом, ты ведь знаешь, что я давно собираюсь взять ученика.

– Нет, не знаю.

– С каждым годом становится все меньше вещей, которых я никогда не пробовал. Например, я никогда никого не учил. Я не оправдал надежд Доктора. Он, конечно, не рассчитывал всерьез, что я займусь наукой, но, полагаю, втайне желал этого. Думал, что я возьмусь за ум, воспользуюсь всеми знаниями, которые он мне подарил... Образованность – не вопрос дарования, а сочетание усидчивости и обстоятельств, да еще неутолимой жажды. Что, если взять человека, у которого не осталось в этом мире никаких привязанностей, и внушить ему, что единственное, что не причинит боли и не предаст, – это книги? Может получится неплохо. Что я теряю, в конце концов?

Ауэрхан задумался. Хозяин мог потерять довольно много: деньги, время, силы, покой... Но ничто из этого, с точки зрения самого Кристофа, и гроша не стоило.

– В худшем случае, – подытожил Вагнер, – Агата окажется скучной. Меня это огорчит. Я никогда не был скучным.

* * *

Луна так и не дала Кристофу уснуть. Он вертелся в кровати, то натягивая одеяло до самых ушей, то сбрасывая его на пол. Не помогали даже испытанные средства: подогретое вино со специями и ночной колпак. Сдавшись наконец, он встал и зажег свечу. Его заветный ларец хранился под зеркалом. Стараясь не смотреть на свое отражение, он достал его и, зажав под мышкой, забрался обратно в постель. Ключ от замка хранился на цепочке на шее. Без ключа этот замок нельзя было ни открыть, ни сломать. Впрочем, даже если бы вора́м это удалось, вот бы рожи у них были!

Кости внутри оставались так же белы и немы. Кристоф сам себе не сумел бы ответить на вопрос, зачем он их хранит. За почти сто лет он повидал немало смертей: на его глазах испускали дух и старые, и молодые... Но ничья гибель не была такой ощутимой, такой *настоящей*, как гибель Доктора. Она словно подтвердила само существование смерти.

Впрочем, если бы Кристоф вывалил эти свои измышления на Доктора, тот хохотал бы до упаду, а затем назвал его идиотом... Пальцы очертили знакомый осколочный рисунок. Вагнер осторожно извлек череп из футляра и устроил рядом с собой на подушке. Они лежали, глядя друг на друга: глаза – в глазницы.

– Я взял ученика, – сообщил черепу Кристоф.

Интерлюдия

1530 год, Виттенберг

Йохан Вагнер привык к мысли, что его младший сын Кристоф ни на что не годен. Нарождаются же псы, которые не охраняют двор, а привечают любого, кто переступит порог, или кошки, которые позволяют мышам резвиться в амбаре. Такую живность ни один хозяин не пожелает терпеть – в мешок и в реку, вот и весь разговор! Но если родной сын вырос лентяем, тут ничего не остается, как посыпать голову пеплом и молить Бога, чтоб или образумил негодника, или уж прибрал к себе и спас семью от позора.

В семье Йохана Вагнера, шорника из Виттенберга, Кристоф был шестым ребенком по счету. Его отец звезд с неба не хватал, но состоял в гильдии и своим ремеслом исправно кормил многочисленную семью. Предыдущие дети росли усидчивыми и послушными, отличались крепким здоровьем и светлыми головами. Старший сын обучился отцовскому делу, подмастерьем побродил по дорогам Германии, а затем вернулся домой и стал работать в мастерской Вагнеров. Остальные сыновья разбрелись по соседним городам, но каждый нашел место, где осесть. Дочери вышли замуж за порядочных мужчин. Этих своих детей Йохан не стыдился. Сидя в трактире за кружкой пива, он любил повторять, что вырастил их трудолюбивыми и честными, так что теперь и Богу не совестно взглянуть в глаза.

Временами Йохан и вовсе забывал, что у него есть шестой ребенок, настолько тот отличался от прочих. Хотелось бы упрекнуть жену: в кого он такой? Но, если не кривить душой, шорник знал, кого напоминает ему Кристоф: его собственного деда, чье имя любой из родственников предпочел бы забыть. Старик Вагнер слыл беспутником и греховодником, работать он не любил, зато пьянствовал, играл в кости и гулял с чужими женами. Говорили о нем и кое-что похуже, но никто из Вагнеров не осмелился бы это повторить.

Как ни колотил Йохан младшего сына, однажды пришлось признать, что проку с него не будет. Хорошо еще, если шею себе не свернет! Едва Кристофу исполнилось пятнадцать, отец заявил, что не намерен держать дома дармоеда. Если хочет жить сытым, пускай нанимается к соседям в работники. Так Кристоф и сделался слугой в трактире. Родной сын трактирщика расшибся насмерть, когда чинил кровлю, и теперь юный Вагнер охотно приходил на выручку старику за горсть медных монет: отводил лошадей постояльцев на коновязь и задавал им сено, приносил гостям ужин в комнаты, чистил их плащи и бегал с посланиями. Особенно любил

тех, кто прежде в городе не бывал и еще не знал, что с мальцом надо держать ухо востро. Не то чтобы Кристоф воровал, боже упаси! Все же страх перед отцовским кулаком тогда еще трепыхался в нем. Но нет-нет да и прилипнет к пальцам лишняя колбаска или забытая вещица из седельной сумки... Ничего ценного Кристоф не брал. За это можно и руки лишиться! Но у людей всегда найдется безделушка, о которой толком и не помнишь, была она при тебе или нет. А если оставил где-то или обронил, то и черт с ней!

Вдобавок в трактире всегда можно было увидеть и услышать что-нибудь любопытное. Все, кто говорил с Кристофом, отмечали одну особенность мальчика: он вызывал доверие. Его большие глаза цвета лесного мха смотрели на собеседника терпеливо и внимательно. А уж сколько всего люди выбалтывают, как напьются! И сколько готовы заплатить за то, чтобы ты все забыл...

Обычно сведения были пустяшные: один переспал с чужой женой, другой передвинул межевой камень и отхватил кусок соседского поля, третий поносил священника. Но изредка выпадала удача и удавалось узнать кое-что поинтереснее: мясник приревновал жену к соседу и, улучив подходящее время, заколол его корову на пастбище; кровельщик признался, что его мать, повитуха, удавила младенца вдовы; пекарь неделю продавал хлеб из порченной муки, никому ничего не сказав... Обрастая этими маленькими и большими низостями, как дно затопленной лодки – ракушками, Кристоф чувствовал себя всемогущим. В его руках трепетали человеческие судьбы.

...Он помнил, как сбилось его дыхание, когда к воротам трактира подъехали двое всадников. Кристоф следил за ними от самых городских ворот и заранее надеялся, что путники пожелают отдохнуть. Оба носили дорогие плащи, а лошади их были ростом ладоней двадцать, не меньше. Великаны! А их хозяева – наверняка люди самого кайзера.

Кристоф помог гостям спешиться. Чья-то рука сунула ему в ладонь монету, и он от души поблагодарил дарителя. Расседывая лошадей, отметил, что седла и уздечки изготовлены на славу, не чета тем, что делал его отец, ремесленник средней руки. Отличная крепкая кожа, колодки точно созданы специально под этих лошадей... Желая угодить незнакомцам, Кристоф взял пук соломы и тщательно растер лошадиные спины, а потом задал этим коням овса больше, чем прочим. Поместив седла на козлы, он уже собирался повесить потники на просушку, как вдруг из одного неожиданно что-то выпало, с сухим шорохом затерявшись в опилках.

Кристоф присел, поводит туда-сюда фонарем с горящим фитилем. Рядом с его ногой блеснул кругляш. Сперва парень принял его за монету, подобрал, повертел так и сяк. Нет, такой монеты он не знал. Вроде серебро, но одна сторона гладкая, а на другой вырезаны крест и знаки – в потемках не разобрать, какие именно. Кристоф сунул находку за пазуху и побежал в трактир, узнать у хозяина, не нужно ли ему чего.

В общий зал накануне Великого поста народу набилось полным-полно. Студенты, сгрудившись за одним столом, драли глотки что было мочи. Ими предводительствовал тучный мужчина в берете, которого Кристоф уже не впервые здесь видел. Шел тот вечерний час, когда завсегдатаи еще не надрались, а новички еще не освоились. Кристоф пошарил взглядом по головам: такие, как давешние благородные господа, обычно брезгуют компанией. Он угадал. Свистнув мальчишку, трактирщик сунул ему в руки поднос с двумя кувшинами вина и свиными ребрышками и велел отнести наверх. «Узнаю, что подслушивал, – понизив голос, сквозь зубы процедил он, – уши оторву и отцу твоему все расскажу!»

Оказалось, что старик отвел гостям лучшую комнату с массивным дубовым столом и большим гобеленом во всю стену, на котором дочь трактирщика вышила Деву Марию. Постельное белье здесь всегда было постирано, в кроватях не водилось клопов, а по ночам постояльцев не тревожили мыши. Путники уже разоблачились. Они сидели за столом и по-приятельски беседовали, тихо смеясь и кивая друг другу. Сквозь разрезы на рукавах проглядывали шелковые подкладки. Модные дорожные плащи шаубе были сложены на стульях.

Один гость был молод, высок и хорош собою, с гладко выбритым подбородком и пышными темными усами. Его берет был надвинут на лоб, а брови тонкой дорожкой срастались на переносице. Второй был уже в годах, на вид лет пятидесяти. В каштановых волосах пробивалась седина, борода была аккуратно подстрижена, вокруг глаз кожа морщижилась, но сами глаза оставались яркими и веселыми и смотрели с прищуром, точно видели тебя насквозь. Этот взгляд неожиданно пригвоздил Кристофа к месту, заморозил его так, что он встал как вкопанный у самого порога. Мужчина рассмеялся, показывая ровные белые зубы – удивительное дело для его возраста.

– Ты, похоже, ждешь, пока мы умрем с голоду, а ты сможешь обглодать наши ребрышки!

В глубоком низком голосе незнакомца не слышалось раздражения, только легкое подтрунивание. Кристоф отметил франкский говор. Спohватившись, он подошел к столу и поставил на него поднос. Ему не хотелось покидать комнату, поэтому он принялся разливать вино, надеясь, что мужчины продолжат прерванный разговор. Но они молчали.

– Если будешь делать это еще медленнее, нам придется съесть тебя.

Голос молодого гостя показался Кристофу неприятным, как скрип старых петель. Разозленный замечанием, он подал кружку с вином бородачу, а его спутнику принялся наливать тонкой струйкой. «Чтобы осадок не попал», – пояснил он как ни в чем не бывало.

– Юноша, – обратился к нему бородач, – скажи, ты давно помогаешь в трактире?

Кристоф дернул плечами, и найденный серебряник, спрятанный за пазухой, пощекотал ему пузо.

– Уж скоро год как.

– Всех тут знаешь?

– Не всех. Знаю тех, кто раньше других напивается и засыпает в собственной блевотине, а еще драчунов и должников. Людей выдающихся, в общем.

Усач высокомерно хмыкнул и взялся за свою кружку, о которой Кристоф совсем забыл. Вино в ней доставало до краев, но гость не расплескал ни капли.

– Вы бы еще у блохастой дворняги спросили, Доктор!

Доктор... Очередной профессор? Эти, пожалуй, пьют крепче всех, да еще обращаются с тобой, как с грязью под ногтями. Кристоф распрямился:

– Я здесь родился и вырос, господин. Если вам кто-то нужен, я отыщу.

Доктор мягко улыбнулся:

– Как тебя зовут?

– Кристоф Вагнер.

– Кристоф...

Ему понравилось, как его имя прозвучало из этих аккуратных уст.

– Я – доктор Иоганн Фауст, а это мой друг Мефистофель. Мы ищем тут человека по имени Мартин Лютер. Он раньше преподавал в местном университете. Отличается редким красноречием и необычными суждениями.

«И пузом, как у бабы на сносях», – мысленно добавил Кристоф, но вслух произнес:

– Найдете его внизу, господа. Он теперь редко бывает в наших краях, но вам повезло. Ни с кем не спутаешь, вокруг него вечно студенты толкуются. Могу быть еще чем-нибудь полезен?

Он надеялся, что Доктор скажет «да» и попросит просушить его плащ или начистить сапоги, заменить кислое вино или принести к ребрышкам тушеной капусты. Но Фауст только окинул Кристофа цепким испытующим взглядом и покачал головой. Мальчишка отвесил гостям короткий поклон и взялся за ручку двери...

Заперто! Замок, что ли, заел? Растерянный, он обернулся. Мефистофель с Фаустом уже взялись за ребрышки. Доктор держал мясо обеими руками и откусывал маленькие куски, стараясь не капнуть жиром себе на воротник.

– Только, будь добр, верни то, что ты у меня украл, – попросил он, промокнув губы хлебом.

Откуда он узнал? Следил из окна? Так в сумерках не разобрать ничего! Мог видеть только, как Кристоф шарит в опилках, но мало ли что он мог туда обронить? Если бы кто-то из гостей стоял за спиной, он бы услышал. Так что доказательств у них все равно нет!

Вообще-то Кристоф и сам вернул бы монету. Если она серебряная, это уже похоже на настоящую кражу, а от преступлений он старался воздерживаться. Но такое открытое обвинение оскорбило его до глубины души.

– Вы сейчас назвали меня вором, Доктор?

Фауст задумался ненадолго, а потом протянул руку ладонью вверх.

– Нет, если отдашь мне мою вещь и извинишься.

Кристоф упрямо упер руки в бока.

– Обидные вещи говорите, господин! Думаете, раз вы богаче, так имеете право обвинять меня во всем подряд?

Не будь это Фауст, Кристоф уже полез бы в драку. Вылетел бы с работы, но свою честь бы отстоял. Но чем дольше эти глаза смотрели ему в лицо, тем меньше злости оставалось в сердце. Да и серебряник начал нагреваться под рубашкой. Сначала Кристоф решил, что всему виной тепло его тела – в комнате стояла духота. Но монета нагрелась так, что, казалось, вот-вот прожжет кожу. Он сцепил зубы, укусив себя за щеку, но не помогло: из глаз брызнули слезы.

– Ничего. Я. Не крал, – упрямо повторил он.

Как по волшебству, монета остыла, приятно охладив кожу.

– Ступай, раз так, – улыбнулся Фауст.

Кристоф развернулся и распахнул дверь, которая теперь открылась беспрепятственно. За ней его ждала троица огромных черных псов. При виде парня собаки оскалились. Ни разу в жизни он не видел псин с такими огромными, как тыквы, головами и пастями, в которых легко поместились бы его руки. Губы псов дрожали, в тусклом свете розовели полосы десен, с брылей капала слюна. Их рык отдавался в позвоночнике Кристофа.

– ...Но сперва отдай то, что ты украл, – терпеливо повторил Доктор.

Кристоф попытался захлопнуть дверь, но одна из собак бросилась на него. Он отскочил назад, споткнулся о выступающую доску и шлепнулся на зад. Закрылся локтем, ожидая, что псина наскочит на него, но ничего не произошло. Когда он отвел руку, собак уже и след простыл. Сердце колотилось как сумасшедшее, но теперь он уже не мог отступить. Никто не имеет права называть его вором, не доказав этого!

Доктор смотрел на юношу с любопытством, склонив голову.

– Да пошел ты!

От обиды голос Кристофа дал петуха. Мефистофель тихо рассмеялся.

– Милый мальчик, ты ведь даже не знаешь, что взял.

Бархатный голос Фауста окутывал его. Кристоф встал на ноги, отряхнул пыль со штанов и собрался уходить, но ледяной шепот Мефистофеля пригвоздил его к полу.

«Стоять», – велел он, и Кристоф остановился. Как он ни пытался сойти с места, подошвы будто гвоздями прибило к доскам. «Подойди». В ноги словно вставили спицы, заставляя делать шаг за шагом, пока Кристоф не остановился перед столом. Взгляд его упал на почти нетронутые ребрышки. Мефистофель взял свою кружку и выплеснул остатки вина в камин. Огонь яростно зашипел. Гость взялся за кувшин и заново наполнил кружку, придвинув ее к Кристофу: «Пей».

Тело больше не принадлежало ему. Как бы он ни сопротивлялся, рука сама схватила кружку. В нос ударил резкий запах мочи, как от ночного горшка. Кристоф изо всех сил сжал губы, чтобы коварная рука, переставшая повиноваться, не плеснула нечистоты ему в рот. Плечо свело судорогой, а локоть, казалось, сейчас треснет. Мефистофель сложил руки перед собой и

поднял брови, с интересом наблюдая за борьбой. Шею пронзило острой болью. Вонь сделалась такой сильной, что защипало в глазах. Еще немного, и рука вылетит из сустава...

– Довольно.

Фаусту достаточно было сказать слово, и Кристофа отпустило – резко, словно из него выдернули крючок. Пальцы разжались, и кружка упала на пол, расплескав вино. Он запыхался, будто пробежал десять раз по лестнице туда-сюда. По вискам текли ручейки пота.

– Можно подумать, твоя жизнь от этого зависит. – Доктор тоже отчего-то выглядел уставшим. – Иди домой. Никому не продавай и не дари то, что украл у меня. Это талисман Агриппы, знак Луны, выгравированный в серебре. Он поможет тебе никогда не уставать в дороге.

Кристоф так и не понял тогда, разочаровал он доктора или позабавил. Много лет он собирался задать Фаусту этот вопрос, но так ни разу и не спросил. В ту ночь домой он не вернулся – работы в трактире было много, и хозяин разрешил ему устроиться в свободной комнате, в нескольких шагах от места, где спали Фауст и Мефистофель. После ужина доктор в одиночестве спустился к Лютеру и долго слушал, не перебивая и не вступая в разговор. Когда студенты разошлись, Лютер и Фауст заняли стол в углу и до самого рассвета беседовали, наслаждаясь компанией друг друга.

Ворочаясь на соломенном матрасе, Кристоф успел сотню раз пожалеть о своем упрямстве и еще сотню – порадоваться своей победе. Только почему-то у победы был неприятный привкус мочи. Он извлек из-за пазухи монету и долго рассматривал выпуклый рисунок: крест на нем совсем не походил на Луну.

Утро застигло его врасплох, как преступника. Откуда-то он знал, что новый знакомый покинет сегодня трактир, поэтому кубарем скатился вниз. Лютер уже ушел, и Фауст сидел у окна один. Лицо у него посерело от бессонной ночи, но на губах бродила мечтательная улыбка.

Кристоф сел напротив и положил на стол серебряную монету. Фауст даже не взглянул на нее.

– Я не воровал. Она выпала из седла, и я подобрал. Я бы вернул, когда рассмотрел, что на ней нарисовано.

– Почему тогда не отдал сразу?

Кристоф поморщился, как от зубной боли.

– Потому что вы меня подозревали, и как бы оно выглядело, если бы я после этого возьми да вытащи вашу дурацкую монету из-за пазухи?

Фауст улыбнулся:

– Теперь хорошо рассмотрел?

– Да. Но оно все равно не похоже на Луну, вы уж простите. Ни капельки.

Доктор задумчиво провел пальцем по неровным краям талисмана. Потом вдруг подвинул его к Кристофу.

– Пусть будет тебе подарок. Скажи-ка мне, Кристоф, как твой батюшка посмотрит, если я найму тебя в услужение?

«Будет счастлив, как осел, с которого сняли поклажу», – подумал Кристоф, но вслух сказал:

– Проплачет три дня, господин.

Глава 3

Наутро после Рождества Агата Гвиннер вела себя как глухонемая. Когда фрау Фальк вывела ее на порог, на ходу заправляя черные волосы под чепец, девочка даже не поздоровалась со своим благодетелем и словно не заметила, с какой помпой организовано путешествие. Поезд из кареты и двух груженных всякой всячиной саней выглядел так, словно ему предстояло проделать немалый путь. Хотя Кристоф заверял совет, что они двинутся на юго-восток в Вайссенбург, где он передаст Агату под присмотр своей тетушки – почтенной пожилой вдовы, доброй католички, воспитавшей троих детей, – на деле их путь был гораздо короче и вел на юг.

Путешественники намеревались проехать вверх по реке Кинциг, что брала свое начало у небольшого городка Лоссбург, текла через весь Шварцвальд и впадала в Рейн. Темные уголья Шварцвальда и служили их истинной целью. К ним вела дорога, проложенная еще римлянами. Она начиналась в Оффенбурге, а заканчивалась в городе, именуемом некогда Ара Флавиа, а ныне Ротвайль. Кристоф мог бы поделиться этими бесценными знаниями с новой воспитанницей, если бы та проявила к ним хоть малейший интерес. Но Агата казалась совершенно равнодушной как к цели путешествия, так и к родному городу, который покидала без всяких сожалений. Не попрощалась она ни с площадью, где сожгли ее мать, ни со зловещим шпилем церкви Святого Креста, ни с собственным домом, где остался ее отец один-одинешенек...

Только выехав из города, она вдруг с шумом втянула носом свежий воздух. Воздух, в котором не было привкуса того костра, в котором сгорели дотла ее мать и вся ее прошлая жизнь.

* * *

В карете, помимо Кристофа и Ауэрхана, ехала еще девица по фамилии Зауэр, которую демон нанял в компаньонки для Агаты. Ему показалось ироничным, что отец девушки – мейстер Ганс – служил в Ортенау палачом и что именно он допрашивал Эльзу Гвиннер. У палача было семь дочерей, и старшая, Урсула, буквально умоляла Ауэрхана взять ее в служанки. Присмотр за одним ребенком виделся ей синекурой по сравнению с тем, чтобы ходить за шестью сестрами и следить, как бы они не поотрывали друг другу головы.

Сейчас Урсула Зауэр отодвинула шторку и жадно глядела в окно. Она никогда прежде не покидала Оффенбург, и теперь ее раздирали любопытство и ужас от осознания того, как велик этот мир. Мимо проплывали припорошенные снегом виноградники и деревни, чьи дома с двускатными соломенными крышами напоминали сонных птиц. «Совсем нет ряженных в этом году, – печально подумала девушка. – Должно быть, все из-за Гвиннер. Боятся».

Урсула уточнила, сколько дней предстоит ехать, и была несколько разочарована, узнав, что уже к вечеру они будут на месте. Все же она вспомнила о своих обязанностях и деловито закутала дремлющую Агату в шерстяной платок. Девочка только сонно отмахнулась. «И правда тепло», – удивилась Урсула. Несмотря на мороз снаружи, в карете было жарко, точно рядом грела печка. Может, под сиденьями пряталась жаровня?

На полпути Кристофу надоело сидеть сиднем, и он потребовал остановиться. Они с Ауэрханом выбрались из кареты и отошли в сторону, а вскоре Урсула увидела, как ее наниматель загарцевал впереди на черном жеребце. Девушка была только рада остаться наедине с Агатой: рядом с мрачным прислужником Вагнера ей делалось не по себе.

Дома, в Оффенбурге, о Кристофе Вагнере ходили разные слухи, но в одном все сходились: он был редкий развратник. А потому семья палача долго противилась тому, чтобы старшая дочка ехала в его поместье, да еще присматривала там за отпрыском ведьмы. Но Урсула напомнила родителям, что совсем недавно Эльза Гвиннер была никакой не ведьмой, а просто

соседкой и женой пекаря, у которого они покупали сладкие крендельки. К тому же дела у отца шли не очень, на приданое дочерям скопить никак не удавалось, а матушка носила восьмого ребенка, который должен был появиться на свет к весне. Тогда одним голодным ртом в семье станет больше. Второй сестре уже исполнилось четырнадцать, так что она вполне могла присматривать за остальными, а сама Урсула обещала присылать родителям деньги, если получится. Скрепя сердце матушка благословила ее, но чем дальше девушка отъезжала от родных мест, тем больше сомневалась в правильности своего решения.

Наконец знакомые края остались позади, и путников принял в свои заснеженные объятия Шварцвальд. По сторонам вздымались к небу огромные ели. Кони, привычные к дороге, бесстрашно ступали среди деревьев. Когда они втащили свою нелегкую поклажу на возвышенность, перед путешественниками открылся вид на холмы, походившие на спины громадных черепах, которые уснули так крепко, что панцири поросли лесом. Над взгорьями алело заходящее солнце, заливая все необыкновенным кровавым светом.

Кареты углубились в лес. В последний раз огненно вспыхнул закат, и их окутали сумерки. Урсула вспомнила истории о медведях и диких кабанах, способных разорвать человека на клочки, и не на шутку встревожилась. Зато Агата совершенно не выглядела напуганной, но это и неудивительно: после всего, что она пережила, вряд ли на нее было легко нагнать страху.

Урсула вспомнила, как холодным ноябрьским утром, когда она делала покупки в зеленой лавке, вдруг услышала страшный визг. Выбежав на улицу, она увидела, как двое стражников волокут куда-то упирающуюся Агату. Объятая ужасом, та показалась Урсуле совсем малюткой. Но, конечно, о том, чтобы вступить за нее, не было и речи. Боясь, что стражникам не понравится, как она пялится на них, Урсула вернулась в лавку.

Позже мейстер Ганс неохотно сообщил, что девочку доставили к нему на дознание. Сколько бы грязных разговоров ни ходило о его работе, сам он был человеком незлым и дома никогда не говорил о том, что творилось в застенке. Несколько раз Урсула с матушкой интересовались судьбой маленькой Гвиннер, но отец только хмурил брови и сурово отвечал, что не собирается это обсуждать. Но Урсула была уверена, что он не стал бы мучить ребенка. Страху девчонка натерпелась, да и только...

Агата внезапно открыла глаза – на мгновение Урсуле показалось, что в них мечется пламя. Карета остановилась. Когда в окошко постучали, девушка ойкнула, своим испугом развеселив Кристофа. Наклонившись в седле, он взглянул на Агату:

– Вот мы и приехали, дитя. Хочешь ко мне?

Девочка подумала немного, а затем молча выбралась из кареты. Кристоф усадил Агату в седло перед собой. Его громадный черный конь, точно вырубленный из угля, терпеливо ждал. Вагнер тронул пятками лошадиные бока, пустил коня мягким галопом и уехал вперед. Не желая оставаться в карете в одиночестве, Урсула тоже выбралась наружу и села рядом с возничим – молодым вихрастым парнем, который подмигнул ей вместо приветствия.

Воздух был какой-то застывший, будто весь ветер ушел в снег, а впереди из тьмы медленно проступали очертания трехэтажного особняка с высокими окнами. Он ничем не напоминал виденные по пути замки, но все равно выглядел величественно. Два изогнутых крыла соединялись между собой деревянной галереей. Вероятно, где-то поблизости скрывались хозяйственные пристройки и конюшня, но как Урсула ни вертела головой, так и не смогла ничего разглядеть в сумерках. Не удалось ей также заметить, есть ли во внутреннем дворе сад или фонтан. Если и был, то его наверняка замело снегом. Неожиданно при мысли, что ей предстоит провести тут целую зиму совсем одной, без друзей и семьи, лишь в компании неразговорчивой и наверняка неприветливой прислуги, Урсуле стало грустно.

Вокруг дома не было ни стен, ни рва. Его окружала лишь черная мгла леса, зато в каждом окне, вплоть до самого маленького под крышей, горел свет.

– Хозяин любит, чтобы было много света и веселья. – Возница посмотрел в лицо Урсуле. – А ты как? Любишь повеселиться?

Она так и не нашлась с ответом, но одно знала точно: она не хочет разделять свое веселье с Кристофом Вагнером.

* * *

Внутри просторный холл встретил их теплом. Первый этаж, как на ходу пояснял невесть откуда взявшийся Ауэрхан, был отведен под кухню и кладовые. Места там было так много, что хоть устраивай настоящий бал.

Затем они поднялись на второй этаж, где располагались столовая, парадные залы и кабинет Вагнера. Глаза Урсулы разбегались от богатств, которыми, как она раньше полагала, мог обладать лишь король. В комнатах повсюду блестели зеркала и начищенная медь, а полы устилали персидские ковры. На стенах, обитых деревянными панелями, висели картины. Почти на всех был изображен залитый солнцем город, незнакомый Урсуле. На площади с фонтаном пестрыми пятнами расхаживали люди, а у их ног деловито бродили голуби.

Лишь одна небольшая картина выбивалась из прочих. На ней был изображен уродливый человечек с усами и в шапке. Он сидел на полу, неестественно наклонившись вперед и зажимая пальцами ног длинную кисть. Рук Урсула у него не заметила. Перед калекой лежала доска, на которой он выводил аккуратные буквы: «Deus est mirabilis...» Картина была отталкивающей и одновременно успокоительной в своей простоте. Хотя изображенный на ней человек был на вид отвратителен, но все, что его окружало, выглядело самым обычным: подвязанная штора, распахнутое окно, ваза с цветами... Чем дольше Урсула смотрела, тем менее пугающим казался нарисованный уродец. Кристоф, заметив ее интерес, дернул краешком губ, что, вероятно, обозначало у него улыбку.

– Кто это нарисовал? – спросила Урсула, поняв, что скрыть любопытство уже не получится. Она ожидала, что Вагнер ответит какой-нибудь колкостью, но он просто сказал:

– Томас Швайкер. Между прочим, почти ваш земляк – из Швабиш-Халля.

– А зачем такое рисовать?

– Это автопортрет. Швайкер нарисовал сам себя.

– Где его руки? – Это было первое, что произнесла Агата за все время их поездки.

– Их нет. – Разговор на эту тему почему-то ужасно развеселил Кристофа. Вероятно, ему нравилось наблюдать за тем, как вытягиваются в недоумении лица гостей. – Швайкер таким родился.

– А где он сейчас?

– Прямо сейчас очень болен и, вероятно, вскоре умрет.

– Тогда его положат в очень узкий гроб?

В тихом голосе Агаты звучало любопытство. Кристоф Вагнер от души расхохотался.

Потом они бродили по ярко освещенным залам, и хозяин дома радостно указывал то на одну, то на другую диковинку, которые привозил из своих многочисленных путешествий: картины, разрисованные веера, уродливые маски... Казалось, он побывал повсюду. Слушать его было интересно, но Урсула с ног валилась от усталости. Хотя дорога была куда короче, чем она думала, тело от нее стало тяжелым, точно мешок с зерном. А еще в доме царила небывалая жара. В каждой печи, каждом камине, что они встретили, потрескивали поленья.

Третий этаж занимали спальни. Они выглядели совсем обычными, но все равно кое-что удивило Урсулу в этом доме. Если не считать их четверых, он был совершенно пуст. Даже слуги, что приехали вместе с ними, куда-то подевались. Несколько раз девушке казалось, что она слышит цоканье когтей и собачий лай, но стоило прислушаться, как все звуки исчезали, оставался только шум леса за окном.

«Деревня далеко, – думала Урсула, медленно шагая следом за Ауэрхэном и Кристофом по мягким коврам. – Вокруг только лес, где живут медведи и волки. Больше ничего. Ни души».

* * *

Ужинали тоже вчетвером в большой столовой. На ковре поближе к печке лежали три черных брылястых пса размером с теленка. При виде Кристофа они вскочили, радостно виляя хвостами, но, разморенные, быстро вернулись на свои места и больше не поднимали голов.

Длинный стол был застелен белоснежной скатертью, свет дюжины свечей плясал на зубцах серебряных вилок, каких Урсула прежде никогда не видела. На круглом блюде красовался запеченный ягненок, а в кувшинах дожидалось подогретое вино. Но ни одного лакея не было видно. Кто же накрывал на стол? Урсула спросила, где ужинает прислуга, но Ауэрхан заверил ее, что сегодня она может составить компанию господину и его воспитаннице за общим столом.

Кристоф ел быстро и без особого аппетита – чтобы насытиться, а не распробовать лакомство. Он ловко орудовал вилкой, а вот Урсула от прибора отказалась: так она только вернее заляпает платье и скатерть, да и «вилы дьявола» не внушали ей доверия. Еда оказалась очень вкусной, мясо таяло на языке, а от вина клонило в сон. Она заметила, что Агата тоже клюет носом.

– Комната для тебя и фройляйн Гвиннер уже готова, – заметил Кристоф. Дома он казался не таким уж развязным. Может, дело было в длинном бархатном халате с меховой опушкой, но вид у него, скорее, был расслабленный и спокойный. – Если что-нибудь понадобится, обращайтесь к Ауэрхану.

– А я смогу завтра познакомиться с остальными слугами? – уточнила Урсула.

– Если хочешь, – пожал плечами Кристоф и взглянул на Агату, которая уже дремала, свесив голову на грудь, но так и не выпустила ложку из рук. – Ты грамотная?

Урсула смутилась. Ауэрхан уже задавал ей этот вопрос, когда нанимал на работу, но, вероятно, не передал ничего своему господину.

– Нет.

Когда у тебя шесть сестер, тут уж не до азбуки. Пока всех накормишь, обштопаешь, отмоешь да сопلي вытрешь, уже на дворе глубокая ночь. Урсула вспомнила, как засыпала за занавеской под одним одеялом с сестрами, и неожиданно затосковала по дому. Справляется ли там матушка? Помогают ли ей?

– А сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

Кристоф неожиданно улыбнулся:

– Когда мне было столько же, сколько тебе, я тоже ни черта не знал. Глуп был как пробка, зато смазлив и ловок. Отец все дожидаться не мог, когда я уеду из дома, чтобы глаза его меня не видели. Твои родители тоже мечтали тебя вытурить?

Урсула мотнула головой:

– Нет. Отец с матерью меня очень любят, господин. Полагаю, им сейчас грустно без меня.

Когда она подняла взгляд, Кристоф хмыкнул и подмигнул ей, чуть заметно кивнув в сторону Агаты:

– Тогда ты в меньшинстве, пташка.

* * *

У Урсулы никогда не было своей комнаты и, как она думала, никогда не будет. Она знала, что сначала будет жить с родителями и сестрами, потом выйдет замуж, а через год уже свои

детки пойдут. Где тут уединяться? Урсула даже не могла вспомнить, когда в последний раз была одна. Наверное, никогда.

Но хозяин этого дома в глубине темного леса мог остаться один в любой миг, когда бы ни пожелал. Интересно, каково быть Кристофом Вагнером? Ужинать из фарфоровых тарелок, сидеть перед камином, зная, что завтра ты целый день сможешь провести в праздности и не таскать самому воду, не начищать медь, не выгребать золу из печи, не смотреть за детьми... Урсула никогда раньше не прислуживала в богатых домах, а потому и не завидовала их обитателям. Легко не завидовать, когда не видишь, как живут толстосумы. Но теперь она это узнала, и нутро ее вспыхнуло от желания стать кем-то другим.

Она внимательно оглядела комнату, где предстояло жить им с Агатой. В просторной спальне почетное место занимала большая дубовая кровать с балдахином на четырех столбиках. В углу жарко натопленная печка с изразцами. Издалека казалось, что она покрыта обычным пестрым узором, но, если присмотреться, с каждой плитки пялилась оскаленная красная морда с рогами и высунутым языком. Урсула поежилась. Зато резной золоченый сундук в углу был разрисован облаками и пухлыми ангелочками. Он был пуст, и Урсула сложила туда их с Агатой одежду.

На маленьком столике у кровати ждали кувшин с теплой водой и пара полотенец. Но Урсуле не хотелось раздевать и умывать Агату. Выискалась хозяйка! Еще вчера бегала в грязных башмаках, а сегодня уже нос задирает. Пускай сама укладывается, не маленькая... Девушка отошла к окну, попыталась отпереть его, чтобы впустить немного прохлады, но рама была заколочена. Она вздохнула и обернулась.

Агата сидела на кровати и болтала ногами, поглядывая украдкой на свою новую няньку. Взгляд был чересчур пристальный для ребенка. Урсула хотела помочь девочке снять башмаки, но та мягко уперлась рукой ей в плечо.

– Не нужно, я сама.

– Сама так сама, – буркнула Урсула и распрямилась.

– Отвернись.

– Чего я там не видела?

Агата пожалала плечами, развязала передник и аккуратно повесила его на спинку кровати, затем скинула юбку и осталась в одной нижней рубашке. Тогда-то Урсула поняла, почему девочка просила не смотреть. Ткань сползла, и показался край острой детской лопатки, на которой багровел рубец. Агата повела плечами, словно взгляд Урсулы причинил ей боль. «Значит, не зря отец отмалчивался», – полыхнула мысль.

Стараясь не смотреть на шрамы, девушка достала гребень, чтобы причесать воспитанницу. Как бы там ни было, отец – человек подневольный, это его работа... Черные волосы Гвиннер струились между пальцами, как вода, и слегка завивались на концах.

– Больно было? – не выдержала Урсула и тут же отругала себя за глупый вопрос. Конечно, больно! Но как? Как когда крышка сундука падает тебе на пальцы? Или как обжечься горячим жиром? У боли сотни оттенков, и каждый не похож на другие.

Но Агата беззаботно ответила:

– Я уже и не помню. Наверное, да.

– Как это – «не помню»? У тебя вон вся спина изуродована!

– Сильно? – тихо переспросила та.

Урсула смутилась:

– Бывает и хуже... Да и кто там твою спину увидит? Разве что муж, но до тех пор все заживет.

Желая поскорее свернуть разговор, она заплела Агате косу, велела ей забираться под одеяло и затушила свечу.

* * *

Агата не спала, но притворялась спящей. Что-что, а притворяться она научилась превосходно. Стоило закрыть глаза, и ей мерещилось, что кровать объята пламенем. Сперва занималось одеяло, затем огонь поднимался выше, пока не достигал подушки. Все это время языки не жалили Агату, а лишь дразнили обещанием невыносимой боли, даже сильнее той, что довелось пережить в подвалах с мастером Гансом. Только когда жар смыкался у нее над головой, кожа наконец вспыхивала и начинала обугливаться.

Агата вздрогнула и открыла глаза. Как бы она ни старалась, кошмары не уходили. Глубокий сон без сновидений поглощал ее лишь тогда, когда уже не было сил держаться на ногах. Он заставлял ее в самых неожиданных местах: за обеденным столом или во время прогулки, за разговором или в карете на пути в Шварцвальд... Агата словно исчезала на мгновение из этого мира, а потом снова появлялась.

Если бы матушка была жива, Агата бы написала ей, что поселилась в новом богатом доме, где стены увешаны картинами, а из комнаты в комнату бродят большие черные собаки. Но матушка отныне должна была жить в самом дальнем чулане ее головы.

Агата тихо выбралась из постели, подошла к печке и опустилась перед ней на колени. Открыла заслонку и придвинула лицо близко-близко, чтобы жар обжег щеки, а тонкие волоски вокруг лба задрожали от горячего воздуха. Она должна подготовиться к тому, что ждет ее в аду. Туда попадают те, кто предал своих матерей... Агата глубоко вдохнула, ощущая, как горячий воздух проникает внутрь.

Но тут в кровати завопилась Урсула – не проснулась, просто перевернулась с боку на бок. Такие, как она, спят крепко, их не будят ни чужой храп, ни детская возня, ни собачий лай. Тело приказывает им спокойно спать, чтобы завтра вновь приниматься за работу. Агата вернулась под одеяло и всмотрелась в лицо своей новой няньки. Без чепца, с небрежно заплетенной косой, Урсула выглядела очень нежно. По-матерински.

Про саму себя Агата знала, что она отвратительна. Ей нужно стать кем-то другим: лучше, умнее, усерднее... Стать такой, какой хочет ее видеть Кристоф Вагнер. Сделать что угодно, только бы ее не схватили снова и не сунули в ледяной карцер. Она закрыла глаза, ощущая, как пламя начинает подниматься от ступней вверх до колен. Никто никогда не должен узнать, о чем на самом деле думает Агата Гвиннер.

Глава 4

Когда жемчужный рассвет тронул верхушки елей, Агата окончательно смирилась с тем, что не уснет. Она встала тихо, чтобы не потревожить Урсулу, оделась, переплела волосы и спустилась в кухню в надежде найти что-нибудь поесть.

За приоткрытой дверью начиналось царство горшков и сковородок. В воздухе пахло мукой, но еды не было нигде: ни на столе, ни в шкафах, ни в ящиках. Отчаявшись, Агата толкнула створку печи². Там было темно и тепло. За ночь дрова прогорели, оставив после себя лишь горячую золу. Стараясь держаться подальше от цистерн, девочка осторожно вошла внутрь.

Утренний свет из кухни свободно проникал в печь. В резких солнечных лучах кружились струпья золы, потревоженные ее башмаками. Запах растопленного жира и вчерашней рыбы заставил живот заурчать. Неужели даже тут не найдется ни крошки? Вдруг сквозняк поднял с пола пепел: кто-то вошел в кухню. Дверца печи дрогнула и захлопнулась.

Хищная темнота схватила Агату, заползла в уши. Перед глазами метнулись алые пятна, от спертого воздуха пересохло в горле, в висках зазвенело, а тело покрылось липким потом. Агата открыла рот, пытаясь вдохнуть поглубже, но ничего не выходило. Руки шарили по стенам в попытке отыскать дверь. На мгновение ей показалось, что из угла слышны писк и крысиная возня. Писк делался все громче и громче, пока не разорвался прямо у нее в голове.

В этот миг кто-то распахнул дверь и впустил свет. Агата вывалилась из печи прямо под ноги Кристофу Вагнеру.

Господин Вагнер мало напоминал взрослых, каких Агата встречала до того. Он много и весело говорил, не носил черное, а глаза у него блестели, как начищенный медяк. Агата тонула в его словах и мыслях, которые не успевала даже ухватить за хвост, чтобы рассмотреть, не говоря уж о том, чтобы понять. Вот и сейчас он разочарованно протянул:

– О, ну это совсем не напоминает мой завтрак! Ты выглядишь совершенно несъедобной. Хотя Ауэрхан бы поспорил... Однако меню Ауэрхана мало меня тревожит. Что ты там делала?

Она все еще хватала ртом воздух, точно не могла надышаться. Наверное, когда открылась входная дверь, сквозняк захлопнул дверцу печи. Вот как все просто! Если бы она не суежилась, хватило бы одного толчка, чтобы освободиться. Никто не запирает ее здесь.

Агата оглядела себя: на юбке остались пятна сажи. Матушка пришла бы в ярость, и Урсула тоже наверняка разозлится. Зато Кристоф Вагнер к испачканной одежде не проявил ни малейшего интереса.

– Я искала еду.

Он хлопнул в ладоши:

– Вот так совпадение! Я тоже. Правда, для таких поисков вовсе не обязательно запирается в печи и визжать, как поросенок, но у каждого свои способы. В этом доме предостаточно народу со странностями. Если бы я каждый раз выяснял, что у кого в голове, то в моей собственной не осталось бы места. Итак, еда!

Он несколько раз хлопнул в ладоши и, обернувшись, довольно крикнул. Сами собой на столе появились кровяная колбаса, головка сыра и кувшин с пивом. Агата не успела заметить, откуда взялось съестное.

– Так-то лучше. Возьми колбаску.

---

² В те времена кухни были снабжены большой печью, занимавшей целую отдельную комнатку и служившей основанием дымохода. Она использовалась для приготовления пищи и обогрева дома. В некоторых печах были встроенные цистерны с водой.

Кристоф Вагнер уселся за стол и с аппетитом откусил большой кусок сыра. Сегодня он ел руками и с большим аппетитом. Агата посмотрела на угощение. Колбаса блестела от жира и выглядела маняще.

Чтобы стать сильной, нужно хорошо есть, напомнила себе она и без промедления схватила колбасу. Оба ели с жадным утренним удовольствием, которое приходит к людям только после голодной ночи. Завтрак показался Агате куда вкуснее ужина, который проходил чинно, на фарфоровых тарелках, с ложками и вилками, которые только удлиняют путь к еде.

– Почему вы не едите в столовой?

Вагнер с удивлением взглянул на колбасу у себя в руке, как если бы Агата задала этот вопрос ей.

– А станет ли эта колбаса вкуснее в столовой?

– Думаю, что нет.

– Тогда к чему перемещать снесь из комнаты в комнату? Только зря силы тратить. Вот ты выглядишь бледной и обессиленной. Ты больна?

Агата прислушалась к себе:

– Нет.

– Это хорошо. Но наверняка твой чахлый вид связан с тем, что и в каких количествах ты ешь. Один мой товарищ из Швейцарии заверял, что одна и та же пища может служить как ядом, так и лекарством в зависимости от дозы и времени применения. По его словам, в человеке циркулируют три жидкости: соль, сера и ртуть. Если один из этих соков отделен от другого, возникает болезнь. Для излечения необходимо ввести вещество той же природы: горячую болезнь нельзя лечить холодным и наоборот... Запомнила?

– Нет.

– Понимаю. Мне тоже эта чертовщина никогда не давалась. Уж сколько раз мой учитель пытался вколотить в меня науку, но я сопротивлялся, как мог.

– Ваш учитель много знает?

– Знал. – Он сделал большой глоток пива. – Его это не спасло. Я своими глазами видел, как его мозг прилепился к потолку, точно сгнивший фрукт ко дну корзины. Мозг, который вмещал целую вселенную... Так что свой я стараюсь не забивать без надобности.

Агата поерзала на стуле. Она попыталась представить себе вселенную, но не сумела.

Кристоф Вагнер взглянул на нее с неожиданной строгостью:

– Так или иначе, выучить это все равно придется. Что ж, не будем тянуть. Сядем за книги сегодня же!

«Девочки не садятся за книги. Их удел – шитье и готовка». Едва эта мысль образовалась у Агаты в голове, как она поразилась, насколько та нелепа. Поэтому спросила лишь:

– Чему же я буду учиться?

Кристоф Вагнер широко улыбнулся и, поставив локти на стол, склонился к ней:

– Всему. А теперь идем!

* * *

Урсула привыкла подниматься с рассветом, но в эту ночь совсем заспалась. Она села в кровати и с удивлением обнаружила рядом с собой пустое место. Значит, Агата уже встала.

В утреннем свете еще ярче засверкала вчерашняя роскошь: позолота и серебро, резные шкафы из орешника и изящные складные стулья с маленькими шелковыми подушечками... Во всем этом сквозила равнодушная небрежность, как если бы хозяин обставил дом красивыми и модными вещами, но настоящего удовольствия от своего богатства так и не получил. На стульях не сидели. В шкафах пылились дорогие безделушки, которые никогда не доставали на свет.

Одевшись, Урсула спустилась вниз. На первом этаже было прохладнее, чем наверху. За дверью кухни слышались возня и тихие раздраженные голоса, будто там кого-то отчитывали. Урсула обрадовалась. Вчера ей показалось, что единственные живые люди в доме, кроме нее и Агаты, – это Вагнер и его молчаливый слуга.

Она тихо постучала. Открыли не сразу. Сначала в кухне воцарилась тишина, а затем дверь распахнулась, обдав Урсулу знакомым ароматом горячего хлеба. Кухаркой оказалась крепкая молодая женщина. Первое, что бросалось в глаза, – ее подозрительно опрятная одежда: белоснежный передник и чепец, ровнехонько завязанный корсаж и пышные рукава... Урсула на мгновение устыдилась своего вида и отругала себя за то, что вчера уснула, вместо того чтобы как следует позаботиться о своих вещах.

– Ранехонько ты, – заметила незнакомка, кивком приглашая Урсулу внутрь, – ну проходи. Не помню, чтобы кто-то в этом доме поднимался в такой час. Хотя господин-то, конечно, еще не ложился.

Кухарку, как выяснилось, звали Берта, и она была из тех громкоголосых добродушных людей, которых так любила Урсула. Берта все время улыбалась, будто готова была прямо сейчас услышать что-то смешное или радостное. Она усадила Урсулу за стол и поставила перед ней хлеб, молоко и сыр.

– Простите, сперва я должна найти свою воспитанницу, – слабо сопротивлялась Урсула, хотя в животе так и урчало.

– Малая с господином в библиотеке, так что не беспокойся, – ответила Берта. – На перекус всегда найдется время.

Развалившись на стуле, она поведала гостье, что состоит в услужении у Вагнера почти десяток лет. Ауэрхан нанял ее совсем девчонкой, а родом она была из одной из многочисленных деревенок, разбросанных по Шварцвальду, что чирьи по заду епископа.

Первый год Берта помогала старой кухарке, которая держала в голове сотни рецептов, но воплотить их в жизнь уже не могла: руки тряслись и глаза подводили. Когда старуха скончалась, ее ученица стала тут всем заправлять. Не то чтобы это оказалось очень сложно. Гости в усадьбе бывали редко, а званые ужины – и того реже. Хозяин был в еде неприхотлив, мог целыми днями прожить на одном вине и сыре. Цветущий вид Берты красноречивее любых слов говорил, что здесь прислуге не приходится день-деньской из сил выбиваться.

Рядом с кухаркой Урсула тоже расслабилась. Похоже, она нашла подругу.

– А кто еще тут живет?

Она опасалась рассказов о суровой ключнице, которая за малейшую провинность из тебя всю душу выьет. Но Берта лишь рукой махнула:

– Всего ничего для такого домины. Кроме господина с Ауэрханом и меня есть только конюх. Имей в виду, он еще до воскресенья попытается залезть тебе под юбку.

Шутка показалась Урсуле совсем не смешной, но она все равно посмеялась, чтобы угодить новой знакомой. А то, чего доброго, Берта решит, что она зануда, с которой и словом не перекинуться!

– А кто домом заправляет?

– Мы и заправляем. Ауэрхан, когда он здесь, или я, если они с господином в отъезде.

Урсула удивилась:

– Не многовато ли работы для одного человека?

Берта лукаво улыбнулась. Рубашка ее чуть съехала, оголив мягкое округлое плечо.

– Ауэрхан еще не на такое способен. Он у нас един в трех лицах: и камердинер, и управляющий...

После этих слов она так выразительно замолчала, что вообразить можно было все что угодно. Но Урсуле не хотелось домысливать.

– А третье?

– Придумай сама.

Урсула хотела признаться, что побаивается Ауэрхана, но промолчала. Непонятно, что скажет на это Берта: скорее всего, опять поднимет ее на смех. Вместо этого она принялась расспрашивать, есть ли в доме часовня и можно ли там уединиться для молитвы. Берта сказала, что часовня есть в западном крыле, но прямо сейчас закрыта – плесени много развелось, вот и решили поддержать ее взаперти до весны. Молятся все в своих комнатах, а по воскресеньям ходят в церковь в деревню, если нет метели.

Поблагодарив за компанию, Урсула встала, чтобы пойти отыскать Агату. На прощание кухарка снабдила ее завтраком для малютки и фляжкой с вином «на случай, если станет тоскливо». Уже стоя в дверях, Урсула ощутила, как сжимаются пальцы Берты у нее на плече.

– Это славный дом, – шепнула та ей прямо в ухо. – Поверь мне, пташка, любой из тех вшивых жирдяев, от которых ты сбежала, убил бы собственную мать, чтобы прислуживать господину Вагнеру.

* * *

Едва переступив порог библиотеки, Агата поняла, что не хочет ее покидать. До того она думала, что только в монастырях бывает столько книг. Бесчисленные шкафы выстроились вдоль стен, как горшки на полке. У дальней стены вытянулся деревянный стол с двумя подсвечниками в форме птичьих лап. Рядом громоздился комод с множеством ящичков, где, вероятно, хранились письменные принадлежности.

У ее отца тоже были книги: пара романов, сборники рецептов, счетоводные тетради... Как-то раз он даже принес в дом сборник наставлений для юных девушек, но так и не удосужился его открыть. Он, в отличие от Эльзы, не рвался учить дочь читать, полагая, что умение печь хлеб пригодится в жизни гораздо больше. В Оффенбурге не было школы для девочек, а потому матушка сама собиралась ее обучать. Они намеревались пройти Катехизис, освоить арифметику и разучить гимны. Эльза уже начала знакомить Агату с алфавитом и даже утверждала, что у нее получается «сносно», а это в устах матери было редкой похвалой.

Кристоф Вагнер решительно направился к столу, болтая на ходу:

– Тут, Гвиннер, ты проведешь ближайший десяток лет. Будешь учить языки, историю и натурфилософию. Прочитаешь о великих открытиях последних столетий, а когда станешь старше, совершишь свои собственные. Ну что, трясутся ли у тебя поджилки от таких перспектив?

Агата огляделась. Хоть она и знала почти все буквы, но еще плохо складывала их в слова, поэтому не могла понять, о чем могут поведать ей эти книги. Расскажут ли они, как устроен мир? Что прячется внутри человека? Из чего все состоит? А может, они откроют тайну, как сделать так, чтобы больше никто не посмел запереть тебя в холодном карцере? Она отодвинула тяжелый стул с высокой резной спинкой и забралась на него. Ноги не доставали до пола, но сидеть на подушечке было мягко и приятно.

– Не трясутся, – призналась она.

Перед ней лежал лист бумаги, исписанный так плотно, что между строчками даже линию не провести. Сломанное перо валялось рядом. Серебряная чернильница скалилась Агате уродливой рожей. Все эти мелкие предметы чудесным образом манили ее, завораживали, уговаривали прикоснуться к ним. Больше всего на свете, кроме запаха свежего хлеба, Агата любила скрип остро заточенного пера.

Кристоф придвинул стул и уселся рядом.

– Если выдюжишь – хотя куда тебе деваться? – я научу тебя настоящему колдовству. Но предупреждаю: на это потребуется много лет, море слез и куча усилий.

Господин Вагнер говорил о колдовстве как о чем-то совершенно обычном, словно этому мог научиться любой и не понести никакого наказания. Может, проверял ее?

– Колдуны попадают в ад, – заметила Агата. – Моя матушка была ведьмой. Вы думаете, что и я тоже?

Кристоф пренебрежительно фыркнул:

– Скажи-ка мне, милое дитя, что нужно для того, чтобы сделаться ведьмой? Уж это тебе должны были рассказать!

– Ведьмы отрицают католическую веру, – послушно ответила Агата. – Они предают дьяволу свое тело и тела некрещеных детей. Они совокупаются с инкубами.

Она не понимала, что значит «предать кому-то свое тело» или «совокупаться», и уж точно не знала, кто такие «инкубы», но все вместе звучало устрашающе.

– Если ты все это проделала, снимаю шляпу! Даже я не мог похвастаться такой прытью в семь лет. Но одного колдовства недостаточно, чтобы угодить в котел с кипящей смолой. Думаешь, Ной или Моисей попали в ад?

– Разве они были колдунами?

– Ну конечно! Как, по-твоему, без магии Моисей превратил бы жезл в змея на глазах у фараона или наслал на Египет семь казней? Как Ной построил ковчег, куда поместил столько зверей? Господь лично послал ему гримуар, а позже его сын Хам взял книгу с собой в ковчег.

Новость, что не все колдуны попадают в ад, ошеломила Агату.

– Зато твоя мать никогда не была ведьмой, – добавил Вагнер. – Это занятие скрыть не так-то просто. Требуются и алтарь, и гримуар, и корона, и круг, вырезанный из бумаги... Надо еще умудриться спрятать инструменты среди булавок и шитья.

Ее матушка никогда ничего не прятала и дочери внушала, что добрые люди ничего не скрывают от других. Но в тюрьме Агате объяснили, что Эльза все же колдовала: встречалась с дьяволом, летала на шабаши, а из-за ее козней кто-то погиб. Но когда бы она успела проделать все это? Работа в пекарне завершалась глубокой ночью и начиналась вновь с первыми петухами. Все всегда были на виду.

Как ни странно, от этой мысли Агата почувствовала разочарование. Будь матушка и вправду ведьмой, она бы вернулась с того света и отомстила обидчикам, разрушила бы их дома, а детей заморозила насмерть, чтобы потом бахнуть их со всего размаха о каменный пол и разбить вдребезги. Но если Эльза была невиновна, значит, ее враги так и останутся безнаказанными.

– Вы тоже не попадете в ад?

Почему-то это сделалось очень важным. Кристоф Вагнер был первым взрослым, который пожелал ей помочь. Мог и притворяться, конечно, но как это выяснить заранее?

Он засмеялся:

– Ну нет, моя девочка. Боюсь, туда мне прямая дорога.

Тогда же он преподавал первый в ее жизни урок – рассказал о Пактах с демонами. При их упоминании Агату бросило в дрожь, и Кристоф внезапно разозлился. Он крикнул, что не демоны истязали ее мать, не они отправили ее на костер и уж точно не они нащептали на ухо пекарю Мартину отречься от родной дочери, которую подвергли пыткам! Они, как и люди, просто творение Божье. А уж если Он придумал демонов, то и относиться к ним стоит, как к любым другим созданиям, – с уважением, но без доверия.

Демоны разные, как и люди, внушал Кристоф. Некоторые относятся к людям с симпатией и готовы помочь за простую благодарность. Но большинство будет искать возможности вцепиться тебе в глотку и разорвать на мелкие клочки, если не соблюдаешь определенных предосторожностей. Колдун может многое попросить у демона: обучить его наукам, перенести в то или иное место, подарить мешок золота... Но все это, скажем так, разовые услуги. Правильно

вызванный демон не откажет в просьбе ни раз, ни другой, но в третий станет настаивать на Пакте.

– Вот тут-то, – поучал Кристоф, – ты и должна ответить «нет»! Как бы сильно ни хотелось получить желаемое, надо отказаться. Тебе ясно?

Агата робко кивнула, хотя на самом деле ничего не поняла. Голова у нее уже шла кругом, а ведь это был только первый урок!

– Вы будете учить меня всему, господин Вагнер? – осторожно спросила она.

Он улыбнулся:

– Полагаю, учитель я еще худший, чем ученик. Но, клянусь, у тебя будут наставники получше.

* * *

Урсула выдохнула, обнаружив, что Агата целой и невредимой вышла из библиотеки. На ее щеках играл румянец, не чета вчерашней бледности. Хоть на живого человека стала похожа!

После завтрака они вдвоем перебрали всю одежду Гвиннер, благо ее было всего ничего. Фальки рассудили, что раз Агата отправляется на воспитание к такому богатому человеку, как Кристоф Вагнер, то пусть он ее и наряжает.

– Вот скупердяи! – возмутилась Урсула, разглядывая пару передников и проеденную молю шерстяную юбку. Единственная нижняя рубаша, сшитая из грубого полотна, жала Агате под мышками.

Наведя порядок в вещах, они отправились осматривать дом. Кристоф Вагнер объявил, что идет спать, хотя на дворе стоял белый день. Жуткий Ауэрхан где-то пропадал, так что весь особняк остался в их распоряжении. Они исследовали комнаты, разглядывали картины и сидели на каждом стуле по очереди. К полудню, обложившись маленькими подушками, устроились у окна с вышивкой. Рукоделие давалось Агате плохо: она колола себе пальцы или роняла иголку, а стежки выходили такими скверными и неровными, что Урсула заставляла переделывать их снова и снова. Но даже после всех мучений вышитые гладью алые цветы больше напоминали страшные рожи на печных изразцах.

Днем они обедали с Бертой на кухне. Похоже, кухарка Агате понравилась. К счастью, с ребенком она вела себя более сдержанно и грязных шуточек больше не отпускала. Кроме них за дубовым столом устроился Харман – тот самый вихрастый конюх, с которым Урсула ехала вчера вечером. На сей раз он вел себя вежливо, хотя ухмылка его не обещала ничего хорошего. Добродетельные люди так не улыбаются.

Берта угостила собравшихся превосходно приготовленным окуном и пивом. Про трехногую голландскую печь Агата сказала, что так представляет себе адский котел, чем развеселила всех сидящих за столом. Отсмеявшись, кухарка возразила, что если это и котел, то разве что для диких уток, которых она в нем жарит. Урсула заметила, что никогда прежде не видела таких печей, и Берта подтвердила, что их обыкновенно ставят на севере. Самая же большая печь располагалась в отдельной комнате, что примыкала к кухне. «Ни за что туда не заходи, – сделав страшные глаза, велела кухарка Агате, – иначе испечешься, и мне придется подать тебя на ужин!»

Внезапно все веселье испарилось из глаз Агаты. Урсула быстро перевела разговор, спросив, для чего нужны громадные бадьи в печи. Харман пояснил, что дом оборудован насосами, так что не придется надрывать спину и таскать воду ведрами. О всякого рода механизмах он говорил охотно и много. Урсулу поразила история про отхожее место прямо в доме, где все дерьмо смывалось водой, если дернуть за рычажок. Хохоча, Харман пояснил, что этот неведомый механизм Кристоф Вагнер привез из Англии, где тот впечатлил даже ее величество королеву Елизавету, но все же особым спросом не пользовался.

После обеда Урсула со своей питомицей хотели остаться с Бертой, чтобы та показала им, как готовить ужин. В конце концов, Агате предстояло обучиться всей кухонной науке, если она собиралась стать хорошей женой. Но неожиданно кухарка воспротивилась и силком погнала их на улицу.

– Давайте-давайте, – велела она, – пока солнце не зашло. Порезвитесь хоть! Нечего тут сидеть в духоте, а не то угорите. Налюбуетесь еще на эту проклятую кухню, глаза б мои ее не видели!

Снаружи все сверкало, а холодное декабрьское солнце выбелило тени на милю вокруг. Небо, голубое и прозрачное, звенело от холода. Перед помещьем Урсула и Агата обнаружили засыпанный снегом фонтан. Они откопали его, и их взглядам открылся высокий каменный юноша, обвитый виноградной лозой, с гроздьями в одной руке. Разметая снег, они сорвали с него единственный покров, так что он вырос перед ними совершенно нагой, с бесстыдной улыбкой на красивом лице. Урсула живо закрыла глаза Агаты рукавицей, но девочка возмутилась: трудились они вдвоем, а на результат любитесь только одна!

Потом они еще побродили по заиндевевшему саду и побросали друг в друга снежки. Рыхлый снег неохотно слеплялся в шары, и приходилось довольствоваться снежными брызгами. Агата быстро устала и замерзла, поэтому Урсула остановила игру. Глядя, как девочка тяжело дышит после нескольких коротких пробежек, нянька подумала, что, возможно, ее действительно не помешало бы показать доктору. Уж слишком скоро она выдыхается. Сама Урсула в детстве могла носиться по улицам без усталости от рассвета до заката.

Обойдя помещье, у западного крыла они наткнулись на конюшню, где хозяйничал Харман. Один из коней как раз стоял на развязке, и конюх проверял его копыта. Урсула осторожно погладила длинную вытянутую морду лошади, а Агате Харман даже разрешил угостить ее морковкой, оставшейся после обеда. Все время, что они там провели, парень не спускал с Урсулы липкого взгляда, а на прощанье крикнул:

– Захочешь покататься верхом – заходи!

* * *

Вечером, уложив Агату спать, Урсула вернулась в одну из парадных комнат на втором этаже – ту, которая полюбилась ей больше всего. Здесь в алькове была небольшая кровать, скрытая занавесками, на случай, если захочется отдохнуть, а напротив целую стену занимал гобелен, на котором мастер выткал юную женщину в голубом платье. Красавица полулежала на скамье, разморенная полуденным солнцем, и выглядела совершенно счастливой.

Стараясь не тратить лишних свечей, Урсула устроилась у камина и принялась за штопку. Отвратительные мелкие прорехи, рассыпанные по всему сукну юбки, будто издевались над ней: стоило заштопать одну, тут же находилась другая... Когда работа уже расплывалась перед глазами, Урсула отложила рукоделие, встала и потянулась, чтобы размять спину. Прошла по комнате, заглядывая в шкафы и изучая вышивку на гобелене. Из зеркала на нее глядело ее отражение. Прежде она никогда не видела своего лица так отчетливо и испугалась этой ясности. В ее доме не водилось зеркал, и рассмотреть себя можно было разве что в бадье с водой.

Сейчас она изучила себя и внезапно поняла, что хорошо смотрится на фоне гобелена и затейливой резной мебели. Да, она вполне могла бы хозяйничать здесь ничуть не хуже любой другой девушки, какую Кристоф Вагнер возьмет в жены! Решала бы вместе с Бертой, что подать к ужину, встречала мужа с охоты и вышивала золотой нитью, сидя у распахнутого окна. А еще носила бы роскошные наряды и модно причесывала волосы, пряча их под тонкую серебристую сеточку. Родила бы супругу столько детей, сколько он пожелает, и ни слова не сказала бы о его любовницах, коих он, конечно, заводил бы множество.

Поддавшись какому-то мгновенному порыву, она разбежалась и плюхнулась на кровать, зарывшись лицом в подушки. Щекой ощутила их мягкость, закрыла глаза...

– Вам удобно?

Ойкнув от неожиданности, Урсула вскочила. Перед ней, заложив руки за спину, стоял прямой, как мачта, Ауэрхан.

– Простите. Я чинила юбку и...

Дальше Урсула не придумала. Она могла бы объяснить, почему отвлеклась, но вот с какой стати рухнула на кровать – для этого у нее оправдания не нашлось.

– Не извиняйтесь. Кровати созданы, чтобы на них лежать.

Ни один мускул не дрогнул у него на лице, когда он это произносил.

– А в грезах о лучшей жизни я и вовсе не нахожу ничего дурного.

У Урсулы вспыхнули щеки. Как он мог угадать ее мысли?!

– Мне жаль, что я потревожил вас в такой поздний час, – продолжил управляющий. – Хотел уточнить: есть ли у вас все, что требуется? Боюсь, в этом доме никогда прежде не жил ребенок, и некоторые его нужды могли ускользнуть от меня.

– Не помешала бы пара отрезов на новое платье для Агаты. То, что у нее есть сейчас, прослужит недолго. И нужно ведь начинать готовить приданое.

Ауэрхан взглянул Урсуле через плечо на стул, где валялась шерстяная юбка, и вздохнул:

– Нет оправдания моей невнимательности. Если желаете, на следующей неделе мы с вами отправимся в город и купим все, на что вы укажете.

Сердце Урсулы подпрыгнуло.

– В какой же город мы поедем?

– Во Фрайбург, – ответил он и с коротким поклоном ушел.

Глава 5

Агата ожидала, что они с Кристофом Вагнером продолжат учить алфавит или хотя бы повторят те буквы, что она уже знала. Но сам Вагнер думал иначе и вернулся к тому, на чем остановился в прошлый раз: к демонам.

– Среди этих созданий, – говорил он, расхаживая по комнате, – как и среди людей, есть простолюдины и знать: князья, маркизы, графы и рыцари. Есть и отбросы демонического племени, живущие на самых адских задворках. Одно их объединяет: все грызутся между собой, как сыновья богача на похоронах отца. Что же до князя князей, самого Люцифера, то никто из демонов не видел его своими глазами, хотя у каждого всенепременно найдется приятель, который лично подносил Деннице ночной горшок. Но с чего же начать, с чего же начать... Знакома ли тебе «Арс Нотория»? Еще нет? Славно, с нее и начнем. Или нет, лучше с «Теургии Гозтии». Что ты знаешь о четырех императорах, что правят по четырем сторонам света? Карнезиэль на востоке, Аменадиэль на западе, Демориэль на севере и Каспиэль на юге. Запомнила? Повтори! Ох, да перестань, неужели так трудно выучить? А вот еще забавная вещица – «Книга о служебных обязанностях духов», обязательно прочти, она может оказаться небесполезной. Ну, с «Заклятой книгой Гонория» ты, конечно, встречалась...

Агата быстро уяснила, что для Кристофа Вагнера ее не существовало. Из него, как из дырявого мешка, сыпались имена, которых она никогда не слышала, названия книг, которые она никогда не запомнит, и места, где она никогда не бывала... Он тараторил и суетился, доставал с полки одну книгу, начинал говорить о ней, потом вспоминал что-то, вскакивал и спешил за другой. Говорил он быстро и горячо, спрашивал, но никогда не дожидался ответа, приказывал Агате повторить, но тут же перебивал. Впрочем, он умел и отвечать на вопросы, если удавалось их задать.

– У демонов есть невесты? – успела спросить Агата, когда Вагнер на мгновение умолк.

– О, даже хуже – у некоторых есть и жены! Каковы черти из себя? Вначале они любят являться людям в грозном и уродливом обличье: мохнатые или покрытые чешуей, с длинными рогами и свиными пятаками... Иногда предстают в виде зверей, например чудовищного вепря или алого медведя. Но если маг не устрашится, они принимают свой человеческий облик, и тогда с ними можно заговорить. Некоторые выглядят как дети, другие – как старики, третьи – как уродцы. Взять полководца Буера. Пола у него нет, так что не разберешь, мужчина перед тобой или женщина, и на месте глаз тоже пустота. Зато он ведает травами и может рассказать все об их свойствах. Агарес явится перед тобой в виде вежливого старца, но будет ехать верхом на крокодиле. Он сможет обучить тебя любым языкам, даже тем, на которых уже тысячи лет никто не говорит...

Зачем нужны языки, на которых никто не говорит, он не уточнил.

И тогда, и во все последующие дни Агата очень старалась. Она вслушивалась в каждое произнесенное наставником слово и заталкивала клубок его мыслей поглубже себе в голову, чтобы позже потянуть за край ниточки и раскрутить его. Но получалось это плохо, а честно говоря, почти никак.

Намного больше ей нравилось, когда уроки вел Ауэрхан. Агата боялась его – уж слишком он был высокий и жуткий, – но в то же время чувствовала рядом с ним спокойствие, как рядом с папой, когда тот раскатывал тесто. Ауэрхан не сыпал непонятными словами и не вставлял через слово имена демонов. Вместо этого он сначала повторил с Агатой буквы, а потом они взялись за слоги. Ауэрхан бережно вычерчивал их мелом на грифельной доске – этот звук был мягче и приятнее, чем скрип пера. Выражение его лица никогда не менялось, он никогда не ругал Агату и ни разу не повысил на нее голос, а только говорил «правильно» или «неправильно».

Однажды она решилась спросить:

– Вы демон?

Рука Ауэрхана поставила две аккуратные точки над «о». Он выпрямился, вытер испачканные мелом пальцы о салфетку и кивнул:

– Да, Агата, я демон.

Ее уши полыхнули. Она припомнила все, что говорил о демонах Вагнер, и уточнила:

– А вы маркиз или князь?

Он улыбнулся – впервые на ее памяти.

– Хуже. Я юрист.

* * *

Утро перед поездкой встретило Урсулу свежестью и небесной голубизной. Впервые за все время, что она провела в этом странном доме, ей удалось как следует прочесть утреннее правило. Устыдившись своей лени и нерадения, Урсула подошла к делу со всем тщанием и под конец даже испытала облегчение и радость, как всегда после молитвы.

Снаружи Ауэрхан ждал ее возле саней. Когда уселись, он взял в руки вожжи, и сани тронулись. Чтобы скоротать время, Урсула принялась расспрашивать его о прочих слугах в лесном доме. Несмотря на слова кухарки, ей до сих пор не верилось, что их всего двое. А кто же вытирает пыль и стирает шторы? Чистит медь и натирает до блеска зеркала? Почему все делается будто бы само собой, но прислуги нигде не видно?

– Разумеется, она есть. – Уголок рта Ауэрхана едва заметно дрогнул. – Но хорошую прислугу и не должно быть видно. Господин Вагнер не любит, когда домашние мельтешат перед глазами.

Больше он ничего о других слугах не сказал, зато охотно отвечал на вопросы о Хармане.

– О, с этим парнишкой вышла презабавная история! Он попал к нам попрошайкой. Отец его, такой же бедняк, одаренный, впрочем, талантом плотника и краснодеревщика, смастерил сыну каталку и отправил собирать подаяние. В богатых домах охотно подавали несчастному мальчику, который заверял своих благодетелей, что не может ходить, а в руках только и осталось силы, что держать монету. Когда он появился у нас, господин Вагнер пожелал развлечься и велел доставить обманщика на кухню, заверяя, что знает прекрасный способ избавить его от хвори. Харман полагал, что речь пойдет о сытном ужине и горячем глювайне. Видели бы вы его глаза, когда хозяин велел слугам запихать его в только что растопленную печь и запереть там! Когда поленья занялись, Харман принялся колотить в дверь и вопить, как подстреленный. После чего его, разумеется, выпустили, надавали тумачков за обман и предложили ему и его отцу работу. К сожалению, через несколько лет отец Хармана скончался, но мальчик остался и вырос под нашим присмотром.

Урсула засмеялась, представляя себе перепуганное лицо конюха. Она собиралась спросить о Берте, но Ауэрхан прервал ее:

– Вот мы и на месте.

– Как?!

Девушка не могла поверить, что они уже прибыли. Она-то была уверена, что дорога до Фрайбурга отнимет целый день, а то и несколько. Но путники и впрямь подъезжали к городу. Миновали мост через реку, и перед Урсулой выросли величественные, облицованные камнем ворота с часами и небольшим куполом над треугольной крышей. Стрелка еще не добралась до полудня. В обе стороны от ворот тянулась каменная зубчатая стена, на которой, точно стражи, расселись галки. Урсула еще никогда не была в таком большом городе, намного более пышном, чем ее родной Оффенбург.

– Какие огромные ворота! – восхитилась она.

Ауэрхан кивнул.

– С ними связана смешная легенда, – заметил он. – Одному торговцу солью так полюбили Фрайбург, что он пожелал купить его и для этого привез бочки, набитые, как ему казалось, деньгами. Вот только его жене в хозяйстве город совсем не требовался, поэтому она тайно подменила деньги на песок и камни. Конечно, торговца подняли на смех.

– Вот чудак! – Урсула тоже расхохоталась. – Да разве ж можно купить целый город?

– Строго говоря, да. Несколько сот лет назад граждане Фрайбурга выкупили свою свободу у графов, которые прежде владели городом, и передали власть Габсбургам.

– И сколько стоил город?

– Двадцать тысяч марок серебром.

Ауэрхан не скрывал, что вопрос ему понравился. Похоже, он вообще любил все, что касалось цифр.

Оставив позади одни ворота, их карета проехала вторые, за которыми горел огороженный решетками огромный костер, к которому подходили погреться все желающие. От пламени снег вокруг растаял, обнажая черные островки земли. А впереди уже вырос прямо из сердца города похожий на древо собор. Его острый резной шпиль, точно веретено, прят кудель облаков. Урсула никогда еще не видела столь могущественной красоты. Колокольный звон сотряс прозрачный воздух. После него ее голос казался слабым шелестом.

Ауэрхан выглядел довольным, точно это он возвел все эти чудеса с одной лишь целью – удивить ими Урсулу. Оставив сани и лошадку на попечение слуг в трактире «У красного медведя», они направились к Зальцштрассе, где выстроились в ряд лавки под коваными вывесками. Первым делом навестили торговца тканями, где Урсула вознамерилась показать себя рачительной и аккуратной служанкой, которая лишнего не возьмет. Она точно назвала, сколько локтей сукна и шерсти им требуется, сколько деревянных пуговиц и шнурков, чтобы хватило на несколько юбок и чулок. Ауэрхан наблюдал с покровительственным видом, но едва торговец принялся считать стоимость всего добра, как управляющий остановил его мягким уверенным жестом. Потом он полез за пазуху, извлек на свет плотно набитый кошель и бросил его на прилавок.

– Принесите нам вашей лучшей парчи, бархата и шелка, а еще льна, муара и кружев. Не забудьте также об атласных лентах и золотых нитях для вышивки. Воспитанница моего господина не станет одеваться, как побирушка.

Растерянный торговец принялся извлекать из шкафов рулоны. Один за другим они ложились перед покупателями, точно шкуры невиданных сказочных зверей. Но Ауэрхан только кривился и все отвергал: этот цвет тоскливый, а тот кричащий, здесь ткань слишком толста, а там тонка, из парчи впору шить только куртки для крестьян, а узор на шелке до того старомодный, что даже его бабушка не стала бы такое носить. Все это продолжалось так долго, что Урсула не на шутку утомилась. В конце концов двое ударили по рукам, подозрительно довольные друг другом. Деньги перекечевали торговцу, а сложенные отрезы Ауэрхан велел доставить в трактир.

После этого они пошли на рынок прикупить, что велела Берта. Там спутник Урсулы проявил не меньшую разборчивость в выборе редьки и морковки. Каждый овощ, попавший к нему в руки, как-то разом увядал, пристыженный своим несовершенством, зато Ауэрхан так и сиял. Торговки охотно снижали цены, лишь бы вьедливый покупатель перестал ругать их товар. Затем заглянули в оружейную лавку, где Ауэрхан отыскал в подарок Агате небольшой аккуратный ножичек на перевязи. Урсула видела подобные у знатных дам. Удивительно, что на этот раз управляющий не торговался.

Спустя несколько часов, нагруженные разными товарами, они вернулись в трактир «У красного медведя». В обеденный час народу набилось битком. Подавальщицы разносили пиво и жаркое из кабана. Хозяин встретил Ауэрхана с почтением и без панибратства, осведомился о здоровье господина Вагнера и о том, как поживает Берта. Усадив гостей за стол у камина, он

лично принес им еды и налил из кувшина свежего неразбавленного пива. Ауэрхан принимал внимание трактирщика как должное, держась без заносчивости, но все же немного свысока.

– Вы часто здесь бываете? – спросила Урсула, едва они остались вдвоем. От жары после мороза она слегка разомлела. Во всей этой суете девушка не успела понять, когда проголодалась. Только сев за стол и схватившись за хлеб, она ощутила пустоту в животе.

Ауэрхан извлек из-за пазухи чехол, из которого достал ложку.

– Нечасто. Фрайбург – не мое любимое место.

– А какое любимое?

Он ответил не задумываясь:

– Штауфен. Там мы познакомились с господином Вагнером, а потому я не могу не испытывать теплоты к этому городу.

– Вы давно в услужении у господина? Берта упоминала, что вы в этом доме незаменимы. Заверяла меня, будто вы едины в трех лицах: и управляющий, и камердинер...

– А третье?

– Она не закончила.

– Так закончите за нее.

Его властный голос лишал ее последних остатков самообладания, но Урсула все равно подумала, прежде чем ответить:

– Друг.

Внезапно он расхохотался. На них оглянулись мужчины за соседним столом, но тут же сделали вид, что заняты своими делами.

– Вы воистину нежное дитя, Урсула. Послушайте-ка, что я вам скажу. – Ауэрхан придвинулся ближе, положив локти на стол. Девушка заставила себя сидеть на месте и не отстраняться. – Я состою на службе у Кристофа Вагнера с тех пор, как ему исполнилось двадцать пять лет. За эти годы я успел хорошо его изучить, в том числе познакомиться с неприглядными сторонами его характера, кои, вероятно, стоило скрывать чуть лучше. И все же в господине Вагнере вы найдете неожиданные благородство и щедрость. Слугам в его доме позволено многое, гораздо больше, чем у любого другого хозяина. Я догадываюсь, о чем тревожилась ваша матушка, отправляя вас, наивное создание, под крышу такого человека. Но даю слово: ни он сам, ни кто-либо другой из тех, кто прислуживает ему, не посмеет сделать ничего непристойного без вашего на то согласия.

Урсула опустила глаза, но все равно чувствовала на коже тяжелый взгляд Ауэрхана. Его рука потянулась к ожидавшейся рядом корзине с утренними покупками и достала оттуда отрез великолепного шелка. Еще в лавке девушка втайне любовалась тем, как солнце скользит по изумрудным узорам на ткани. Сейчас Ауэрхан положил материю поверх ее манжеты, и Урсула на мгновение представила себе, каково оказаться в объятиях мягких рукавов. Ей так захотелось почувствовать это, что все тело зачесалось от желания.

– Возьмите этот отрез в подарок. – Стоило Ауэрхану произнести эти слова, как она поняла, что не сумеет отказаться, даже если соберет всю свою волю в кулак. – Но со временем вы получите гораздо больше, Урсула. За несколько лет наберете столько приданого, что сможете сами выбрать достойного мужа. Никто из живущих в доме господина Вагнера вас не обидит. Мы приглядим за вами. Есть только три правила...

«Вот оно, – поняла Урсула, – дурное предчувствие меня не обмануло».

Ауэрхан откинулся на спинку стула.

– Первое: верность – вот главная добродетель. Дом – единое целое, а Кристоф Вагнер – его сердце, поэтому мы все действуем в его интересах. Второе: что бы ни произошло в стенах усадьбы, это остается там и только там, если я или Кристоф Вагнер не велели иного. Третье: любой из слуг может покинуть дом, когда захочет, но в этом случае лишается всех привилегий, что получил ранее. Чтобы сохранить их, вы должны дождаться конца срока службы.

Урсула перебрала в уме все правила, и ни одно ее не напугало. Если работа здесь даст ей возможность собрать себе приданое и помочь семье, о большем она и мечтать не могла.

– Мне все ясно, – ответила она.

– Славно. А теперь позвольте я угощу вас кренделем.

Когда они ехали обратно, Урсула заметила, что над городскими воротами кто-то вырезал уродливого мальчика с круглой приплюснутой головой. Щиколотку одной ноги он закинул на колено другой, а руками ковырялся в пятке. «Извлекающий шип», как пояснил Ауэрхан. Это изображение призвано было напоминать тем, кто покидает город, что в каждом из нас сидит жало первородного греха.

– Своего рода предостережение путникам, – добавил он, направляя сани в ночную темноту, которую рассеивал лишь слабый свет подвесного фонаря. – Тропа греха всегда стелется под ноги.

Глава 6

Урсула сызмальства тянулась к красивым вещам. Она никогда не упускала возможности поглазеть на городских модниц, что выходили из карет, опираясь на крепкую мужскую руку. Жадно изучала каждую складку их кружевных воротников, каждую жемчужинку на носках туфель, каждый драгоценный камешек на крестах, украшающих их лифы... Одно время она мечтала стать портнихой, но ей не хватало мастерства. Умение рождается в повторении – будучи дочерью палача, она крепко усвоила эту истину и была готова сутками напролет упражняться в шитье, чтобы только ее искусство заметила какая-нибудь знатная дама. Но какие тут упражнения, когда дома нет ничего дороже льна и грубой шерсти, да еще и сестры требуют внимания? Порой по ночам на нее накатывала тошнота от одной мысли, что завтра наступит утро. Она лежала под тонким одеялом, притворялась спящей и молилась Господу, чтобы он отсрочил рассвет и дал ей еще немного побыть одной.

«Иначе, – думала она, – однажды я возьму кухонный нож, которым матушка нарезает мясо, и воткну одной из этих проклятых девчонок в глаз. А потом убегу в лес. Если встречу разбойников, брошусь к их ногам и буду умолять взять меня с собой. Возьму новое имя, стану странствовать бок о бок с убийцами и подлецами и грабить кареты, в которых разъезжают эти напыщенные фрау в расшитых золотом платьях...»

Если Урсуле удавалось уйти в своих фантазиях совсем далеко, она представляла себя женой главаря разбойников – высокого статного мужчины без одного глаза, с жилистыми хваткими руками. Она в красках воображала, как эти руки срывают сверкающее ожерелье с шеи схваченной красотки. «Оно твое, – говорил в ее мечтах разбойник, – и все, что ты захочешь, будет твоим!»

Никогда и никому она не рассказывала, какие грезы преследуют ее по ночам. Но в то мгновение, когда Ауэрхан приложил изумрудный шелк к ее рукаву, Урсулу пронзило горячее смутное чувство, словно он каким-то образом знал, о чем она мечтает.

После поездки прошло несколько суток, и уже подходили к концу двенадцать рождественских ночей. Чтобы господин не решил, что взял в дом двух бесполезных лентяек, Урсула заставляла Агату подниматься затемно, чтобы сразу взяться за шитье. Света зимой отмерено мало, а работы им предстояло достаточно, так что лучше начинать как можно раньше. К их приходу в кухне всегда ждал сытный завтрак, но ни разу Урсула не заставала там Бертю.

Агата не выказала особого восхищения красивыми тканями и золотой нитью, чем разозлила Урсулу. Нянька заставляла ее пойти к господину Вагнеру и поблагодарить за подарки, которых она, бездельница и гордячка, конечно, не заслужила. «Ему не нужна моя благодарность», – только и ответила девочка.

Время, которое могло стать лучшим в жизни Урсулы, с каждым днем омрачалось все больше. Она с раннего детства мечтала, как в руки к ней попадет нечто прекрасное, из чего она сможет сотворить наряд, достойный герцогини. Но оказалось, что шелк требует большей сноровки, нежели дешевое сукно, к которому она привыкла. Мягкие, скользкие, точно вода, ткани смеялись над Урсулой. «Ты недостаточно для нас хороша», – шептали они, не поддаваясь ее неуклюжей игле.

Наконец с болью в сердце она призналась себе, что не смогла бы претворить в жизнь ни одну из своих задумок, даже принеси ей Ауэрхан парчу и атлас, достойные королевы. Урсула не создавала платья, которыми грезила, не потому, что ей недоставало материалов или времени. Талант – вот чего на самом деле она была лишена!

В конце концов ей удалось сшить Агате скромное платье из шерсти да льняную рубашку. К подаренному Ауэрхану изумрудному шелку она так и не прикоснулась. Не хватало еще

испортить! Когда Агата показала управляющему свою обновку, он только приподнял брови и скривил рот:

– Что ж. Пристойно.

У дверей он остановил Урсулу вопросом:

– А где же все кружева и ленты, что мы купили? Я ожидал увидеть на Агате что-то более подобающее.

Девушка смутилась, но решила не обманывать.

– Боюсь, мне не хватает мастерства, – пробормотала она. – Я никогда не работала с такими дорогими тканями.

– Теперь у вас есть такая возможность.

– Я боюсь их испортить.

Ауэрхан вздохнул и тут же потерял к ней интерес. Тот огонек любопытства и теплоты, который она ощущала во Фрайбурге, угас.

– Пожалуй, вы правы, Урсула. После Святок напишу швее, чтобы приехала снять мерки.

В тот день Урсула ушла спать поздно. Она достала из сундука отрез шелка и отправилась с ним в комнату с зеркалом. Прикладывала ткань к себе то так, то этак, любуясь тем, как изысканно ложатся тени. А потом расплакалась.

* * *

Как бы внимательно Агата ни следила за Кристофом Вагнером, понять, чего же он хочет, бывало непросто. Случалось, что он радовался ее крошечным победам: верно прочитанному слову или аккуратной нарисованной линии... В другой день его раздражали даже случайная улыбка или смешок. Агата прилагала все усилия, чтобы угодить опекуну, но никак не могла сообразить, что для этого нужно.

Как-то после урока Ауэрхан посоветовал ей: «Не старайся слишком сильно. Относись к господину Вагнеру, как к реке. Ты же не злишься на течение и не пытаешься быть с ним милой. Так же и с господином: делай, что он просит, держись вежливо, учись прилежно... Вот и все, что от тебя требуется. Не задирай нос от его похвалы, но и не плачь, если он тебя ругает».

Агата не плакала. После смерти матери она вообще перестала плакать, но внутри переживала из-за каждой оплошности. Урсула, кажется, тоже волновалась, поэтому каждый вечер строго отчитывала воспитанницу, если узнавала, что хозяин усадьбы чем-то недоволен. Иногда она хватала девочку за плечи и трясла. Агата не подавала виду, даже когда ей становилось больно, только поджимала губы и хмурилась. Она хорошо уяснила, что делать, чтобы Урсула забеспокоилась и чуть-чуть напугалась. Нужно было просто молчать – ее нянька не переносила тишины.

Как-то раз Агата все же спросила:

– Твой папа был мясником с Метцгерштрассе?

– Нет, – раздраженно ответила Урсула, делая вид, что полностью поглощена рукоделием.

Агата и без того знала, кем служил отец Урсулы, но ей было интересно послушать ответ. Она под села к ней ближе, прижалась боком и потерлась щекой о рукав платья, ластясь, как котенок. Урсула рассеянно погладила ее по голове. Агата вдруг придумала смешную шутку и, не удержавшись, тут же ее произнесла:

– А вот если бы тебя обвинили в колдовстве, твой папа стал бы твоим дознавателем?

Игла выскользнула из рук Урсулы и упала ей на ногу. Легкая, она не причинила никакого вреда. Агата улыбнулась и, схватив иглу, спрятала ее за спиной.

– Меня бы не обвинили в колдовстве! – прошипела Урсула. Она попыталась выхватить у девочки иголку, но Агата вскочила на ноги и, посмеиваясь над неуклюжестью няньки, крутилась, как маленькая змейка. Лицо Урсулы сделалось размытым пятном, двигалась она куда

медленнее, а еще боялась уколоться. «В этом все дело», – думала Агата, выныривая то с одной, то с другой стороны от Урсулы. Если бы она не боялась, то смогла бы забрать иголку. Агата даже простонала, передразнивая ее: «Ой, папочка, не надо, я все скажу, только не бейте меня!»...

Неожиданно все остановилось. Короткая горячая боль хлестнула по лицу. Агата замерла. Урсула стояла перед ней раскрасневшись, тяжело дыша. Иголку забрать не сумела, а вот затрепщину дала будь здоров! Щеку жгло. Агата опустила взгляд на требовательно выставленную вперед раскрытую ладонь.

– Верни иголку, – велела Урсула строго.

Но Агата только засмеялась и показала ей пустые руки, даже пальцами пошевелила для пущей убедительности.

– А у меня ничего нет. Смотри! Нет иголки. Упала, должно быть. Осторожно, не наступи!

* * *

Впрочем, не Урсула была главной заботой Агаты. От няньки в доме ничего не зависело, она ничего не решала. Кристоф Вагнер – вот кто был настоящим центром этого мира. Как-то раз утром в воскресенье он явился прямо к ней в комнату. Агата не ходила на службы, каждый раз притворяясь больной. Урсула только радовалась, потому что тогда они с Бертой, Харманом и Ауэрханом уезжали втроем в просторных санях. Никто никогда не спрашивал, отчего вдруг Агата заболевает накануне мессы, но в этот раз все сложилось иначе.

До темницы Агата любила воскресные службы. Ее успокаивало ощущение чего-то величественного и огромного, как облако. Но после смерти матери она так и не смогла заставить себя переступить порог церкви. В карцере к ней несколько раз приходил капеллан, уговаривая сознаться. От его сутаны пахло воском и ладаном. Он оставлял этот запах после себя как напоминание о том, что за пределами этих стен есть другая жизнь.

В тот день, когда все уехали, к ней пришел Кристоф Вагнер, который отчего-то тоже не пошел в церковь. От него исходил сладкий с кислинкой аромат, как от засахаренных лимонов. Сквозь щели в окнах проникал сквозняк, тревожа огоньки свечей. Снаружи начиналась метель. Кристоф подобрал несколько поленьев в печку.

– Ты не больна, – заявил он. – Почему не поехала? Не сказать, чтобы я любил воскресные службы, но они гораздо увлекательнее застолий у высокопоставленных лиц. Вот уж где скука смертная! Каждый раз надеюсь, что случится кровопролитие и разрядит обстановку. Но такая удача выпадает редко.

Агата не стала ему врать. Она все еще чувствовала себя новичком в этом деле, как человек, едва замочивший ноги в лесном ручье, тогда как Кристоф Вагнер уже правил кораблем в открытом море.

– Я не хожу в церковь.

Ее учитель развалился в кресле у окна, в котором обычно сидела Урсула, штопая чулки или отмеряя ткань для завтрашнего шитья. На его пальцах серебрились перстни.

– Отчего же?

Агата перестала изображать лихорадку и села в кровати, сложив руки поверх одеяла. Вагнер не давил на нее, не пытался вытянуть слова, как мейстер Ганс. Признание далось ей легко.

– Мне кажется, Бог не хочет, чтобы такие, как я, заходили в его дом.

Она представляла себе Бога грозным, с голосом палача и тяжелым взглядом капеллана. У ног его корчатся всякая нечисть и грешники.

Вагнер взглянул на свои ногти, блестящие, как у девушки.

– Не думаю, что у Господа такой хороший поверенный, чтобы доказать, что церковь – лишь его дом и никто другой не имеет права туда входить. В конце концов, даже изгнанные

из храма торговцы вернулись и опять разложили свои товары, стоило Спасителю скрыться за углом. Так какие «такие» люди не должны заглядывать туда на огонек?

От его слов Агате сделалось одновременно и страшно, и смешно. О Боге Кристоф Вагнер говорил так, будто они встречались только вчера.

После тюрьмы ей несколько раз снился сон, в котором она вместе с отцом, сестрой и матерью сидела на службе. Они заняли скамью в первом ряду. Хористы пели «Глорию», а окружающие – от прихожан до священника и мальчиков-министрантов – смотрели на них не отрываясь. Агата чувствовала, что сейчас произойдет что-то плохое. Она вскочила и побежала к воротам, но ее схватили и поволокли назад – к месту, где вместо алтаря уже складывали бушели соломы для костра.

– Скверные, – наконец ответил она.

– Если бы Бог не хотел, чтобы скверные люди приходили в церковь, она пустовала бы целыми днями. Мартин Лютер сравнивал римскую церковь с логовом воров и публичным домом, называл ее царством греха, смерти и ада. Не думаю, что после такого ты способна чем-то удивить ее хозяина.

Он наклонился вперед и подпер подбородок рукой.

– Вот что я скажу тебе, Агата Гвиннер. Мы с тобой живем в жестокое время. Каждому захочется тебя уничтожить: судье, отцу, священнику или Богу... Если ты не заходишь в церковь, потому что боишься, что тебя за это сожгут, значит, спали их первой и посмотри, как они горят. Ты ведь швырнула игрушки детей Фальков в печь. Почему?

Агата вспомнила деревянных собачек и кукол в нарядных платьях. Ей не хотелось, чтобы они исчезли насовсем, она жалела игрушки. Но это был единственный способ заставить мерзких детей плакать. Она глядела в лицо Кристофа в надежде угадать, что именно он желает от нее услышать.

– Почему? – повторил он с нажимом.

Потому что игрушки были самым ценным, что было у этих детей...

– Почему, Агата?

Потому что невозможно было поджечь их самих!

Но ничего из этого она не сказала вслух, и Вагнер встал, разочарованный.

– Я взял тебя под крыло, Гвиннер, – холодно произнес он. – Надеялся, что ты развеешь мою скуку. Я могу обрядить тебя в шелка и обучить грамоте. Стоит мне щелкнуть пальцами, как войско бесов кинется выполнять любую твою прихоть. Но все это не имеет никакого смысла, если ты – трусливое ничтожество, которое не решается ни соврать, ни ответить честно.

Когда он ушел, Агата нащупала в кармане передника иголку и вдавила острие в большой палец, держа руку на отлете, чтобы не запачкать платье.

Глава 7

В усадьбе Кристофа Вагнера многое казалось Урсуле чудным. Например, то, как ловко Берта управлялась с огромной вилкой, когда разделявала мясо. В родном доме Урсулы никто не пользовался «вилами дьявола». А еще тут можно было угоститься копченой селедкой не только по воскресеньям и даже не в полдень³.

Несмотря на по-прежнему кипевшую обиду на Ауэрхана, Урсула радовалась, что попала в усадьбу: работы немного, есть можно от пуза, знай только следи, чтобы девчонка Гвиннер не натворила бед и вела себя как положено. Но как обращаться с воспитанницей, Урсула часто не знала. Она никогда прежде не заботилась о чужих детях, только о сестрах. Пока они мелкие и ничего не соображают, с ними проще простого, но когда начинают бегать и говорить, тут уж хлопот не оберешься. Иногда Агата походила на них: в эти редкие мгновения в глазах девчонки мелькал лукавый блеск, будто она вот-вот начнет проказничать или засмеется во всю глотку. Но этого никогда не случалось. Агата не шалила, ничего не портила, даже не говорила громко, но именно этим доводила няньку до белого каления. А еще временами Гвиннер отпускала жутковатые шутки, и только тогда на ее лице появлялась улыбка.

Урсула очень старалась вести себя так, словно Агата – просто обычная девочка.

– Давай живее, чего ты как сонная муха? – прикрикнула она в тот вечер. – Целый день еле шевелишься, сколько можно! На ходу засыпаешь!

Гвиннер зевнула, прикрыв рот рукавом, но все равно никуда не торопилась. Как нарочно, она складывала вышивку в сундук медленно-медленно, а потом еще долго заправляла под чепец выбившиеся прядки. У Урсулы уже урчало в животе. Не вытерпев, она дернула девчонку за локоть, развернула к себе и зло поправила ей волосы.

– Больно, – сказала Агата. Не поморщилась, не захныкала, а лишь взглянула на Урсулу своими чернющими глазами, точно проверяя, что та ей сделает.

«Ну уж нет, малявка! Я тебя не боюсь!»

– Не зевала бы, больно бы не было!

Но все равно Урсула смягчилась и убрала руки, испугавшись собственных внезапных желаний. Аж пальцы засвербели, так захотелось ударить Гвиннер по губам, ущипнуть или потянуть за ухо – просто чтоб перестала строить из себя невесту что. Только чудом ее взяли в такой хороший дом! Сложись все иначе, сгорела бы вместе с мамашей!

...Ужин по вечерам накрывали в столовой. Урсуле там нравилось: большой деревянный стол, такой крепкий, что на нем можно было плясать, напоминал ей о доме. Харман говорил, что почти всю мебель в усадьбе сколотил его отец. Но Урсула никак не могла привыкнуть, что слуги здесь часто ужинают вместе с господином Вагнером и сидят с ним за одним столом, как равные. Ауэрхан объяснил, что так случается, когда господин не хочет оставаться в одиночестве. Урсула надеялась, что это будет происходить почаще.

Они вошли посреди разговора. Берта как раз что-то втолковывала господину, развернувшись к нему всем телом и держа кубок с вином на отлете. На ней не было чепца, и густые волосы блестели в свете свечей, как золотое кружево. Кристоф Вагнер благодушно кивал, развалившись на стуле, а когда заметил в дверях Урсулу и Агату, отсалютовал им бокалом:

– А вот и вы! Не люблю, когда опаздывают. В моей семье, если я не поспевал точно к ужину, мать отсылала меня столоваться со свиньями.

Урсула ощутила, как запылали кончики ушей. Агата же прошла к своему месту как ни в чем не бывало. Харман вскочил, чтобы отодвинуть дамам стулья. Он улыбнулся Урсуле тепло и

---

³ В те времена в Германии рыба появлялась на столе всего треть года, и ее всегда подавали в полдень. В основном это была соленая или копченая сельдь.

слегка растерянно, будто хотел извиниться за все свои сальные шуточки. Она бы его простила, конечно. Не хватало еще ссориться со старыми слугами.

– Обязательно попробуйте сервелат, – посоветовала Берта, кивая на толстые ломтики колбасы, окрашенные шафраном. – Я его приправила имбирем, перцем и сыром.

– Еще мясной пирог. Очень рекомендую, – добавил Ауэрхан учтиво.

Не успела Урсула сесть, как ее кубок уже наполняли вином. Берта ловко накладывала ей колбасу, от которой пахло пряностями, а Агата, словно желая загладить свою вину, поставила перед ней тарелку с большим куском мясного пирога. На мгновение Урсула даже устыдилась, что была так строга с девчонкой Гвиннер. В конце концов, есть от природы нерасторопные люди, их не переделаешь...

Она тепло поблагодарила Агату и даже потрепала ее по щеке, стараясь сделать это ласково, по-матерински. Сервелат и впрямь получился что надо: чуть острее, чем готовили у нее дома, но очень вкусный. Урсула запила колбасу вином и, убедившись, что никто не смотрит с осуждением на то, какая она лакомка, откусила от пирога со свининой. Мясо таяло во рту, сочное и мягкое, как у поросенка, что едва появился на свет.

– Вкусно? – умилилась Берта.

Урсула закивала и, желая порадовать кухарку, откусила еще. Что-то кольнуло язык и хрустнуло на зубах... Она растерянно прикрыла рукой рот: что делать? Выплюнуть? Нет, лучше умереть, чем так опозориться за столом! Урсула скатала языком пережеванное мясо в плотный шар и проглотила, стараясь собрать как можно больше слюны. Только когда что-то гладкое и тонкое, с холодным металлическим привкусом, скользнуло в горло, она поняла, *что* это было.

Резко вскочив из-за стола, она, не веря собственной догадке, сжала шею. Как скоро игла пройдет по ее внутренностям и доберется до сердца? Она не сразу сообразила, что за столом стало тихо. Только Агата беззаботно облизывала перепачканные жиром пальцы. «Смотри, – как будто говорила она, – у меня ничего нет!» Кто бы еще так заботливо поставил перед Урсулой тарелку с куском пирога?

– С вами все в порядке? – спросил Кристоф Вагнер.

Все смотрели на нее с досадой и недоумением. О боже, именно это снилось ей в кошмарах! Урсула несколько раз глубоко вдохнула, чтобы убедиться, что дышать она пока может беспрепятственно.

– Кажется, я проглотила швейную иглу, – пробормотала она.

– Иглу? – удивился Вагнер. – В еде? Как она там оказалась? Берта!

– Да вы в своем уме? – возмутилась кухарка, совершенно неподобающе обращаясь к нанимателю.

Взгляд Кристофа медленно переместился на Агату. Та ела как ни в чем не бывало и улыбалась своим мыслям. Тело Урсулы сковало холодом от ужаса. Она прислонила ладонь к животу, словно надеялась сквозь ткань почувствовать, куда движется игла. Будет ли смерть мучительной? Из глаз ее потекли слезы. Сердце билось быстро-быстро, но внутри ничего не болело.

– Агата, милочка, это ты подсунула иглу в пирог своей няньки? – спросил Кристоф Вагнер мурлыкающим голосом, как будто собирался похвалить ее. Гвиннер просияла и не без гордости кивнула. Но в ответ Вагнер раздраженно швырнул на стол салфетку, встал, подошел к месту, где сидела Агата, и взялся обеими руками за спинку ее стула. Развернул к себе – только ножки заскрипели о пол – и угрожающе навис над девочкой. Агата, догадавшись, что опекун недоволен, втянула голову в плечи и перестала улыбаться.

– Я ненавижу, когда мне портят ужин! – крикнул Вагнер ей в лицо. Она не вздрогнула и даже не моргнула, как будто исчезла из собственного тела. – Никогда... Слышишь, малень-

кая дрянь? Никто никогда не трогает людей под моей крышей без моего согласия! ТЫ СЛЫШАЛА?

Он проорал это так громко, что даже Берта подскочила на стуле.

– Вы же сами называли меня трусливым ничтожеством, – ответила Агата дрожащим голосом.

– Для того, что ты сделала, смелость не нужна! Если твоя нянька умрет, я запру тебя с ее трупом на неделю. Поняла?

Лицо Агаты скрывала тень, и Урсула не видела, испугалась ли девчонка, но сама она окаменела от ужаса. «С ее трупом?» Это о ней?! Слез уже не осталось, только сухие судорожные рыдания.

Кристоф Вагнер раздосадованно цыкнул языком и повернулся к Ауэрхану:

– Проверь, как у нее дела! Видишь иглу?

– Ну, ну, Урсула, не стоит так бояться, – мягко обратился к ней Ауэрхан и встал. Он даже коснулся холодными пальцами ее лица, отчего Урсула вмиг перестала рыдать и замолчала. Сил хватало только на то, чтобы смотреть на него снизу вверх. Его взгляд стал медленно опускаться: по шее, к вырезу платья... Ей захотелось закрыться, но руки словно прилипли к животу. Все вокруг замерли. Ауэрхан осмотрел ее всю – с ног до головы – и успокоительно сжал ее плечи.

– Все будет хорошо. Игла идет острым концом вверх. Берта, не могла бы ты накормить Урсулу двумя плоскими кашами и проводить в комнату, чтобы она прилегла? Не нужно резких движений. Постарайтесь не вертеться в кровати.

Во рту пересохло. Урсула сглотнула.

– Откуда вы знаете, где игла?

– Ауэрхан видит сквозь одежду, – ответил вместо него Кристоф Вагнер, – а если захочет, то и сквозь кожу.

– Как так?!

– Врожденная особенность, – сдержанно улыбнулся управляющий.

– Если ты закончил, – обратился к нему Вагнер, – отведи нашу дорогую Агату в печь и запри ее там. Если я услышу от тебя хоть звук, паршивка, – добавил он, повернувшись к девочке, – то велю Берте растопить печь прямо с тобой внутри.

* * *

Урсула не сомкнула глаз всю ночь. Когда Ауэрхан увел онемевшую Агату, Берта позвала ее на кухню и там накормила кашей на свином сале. Кусок в горло не лез, но кухарка приговаривала, что так надо, и Урсула, борясь с тошнотой, все же съела две плоские жирного плотного варева. Желудок распирало, отрыжка просилась наружу. Но спокойствие Берты оказалось так заразительно, что после обильной трапезы Урсула покорно прошла в их с Агатой комнату, легла в постель и снова положила руки на живот.

Никаких признаков болезни у нее и в помине не было: после сытного ужина тело казалось тяжелым, но в целом Урсула чувствовала себя прекрасно. Разглядывая тонкий золотистый узор на балдахине, она вспоминала лицо Агаты при словах: «А у меня ничего нет. Смотри! Нет иголки. Упала, должно быть. Осторожно, не наступи!» Значит, это была угроза? Придумала ли девчонка Гвиннер все уже тогда? Она ведь точно знала, кто казнил ее мать, но все равно спрашивала, пыталась, проверяла...

Все меньше Урсула видела в Агате ребенка и все больше – жуткое ведьмино отродье. Может быть, не зря Эльзу Гвиннер отправили на костер? Как знать, вдруг она и правда связана с нечистым и передала свои знания дочери? Холодок пробежал по спине. Урсула закрыла лицо руками и сразу испугалась, что пошевелилась слишком резко.

Господин Вагнер посадил девчонку в печь... Но что дальше? Он оставит ее там, пока демон сам не вырвется и не вылетит в трубу? А вдруг он о чем-то догадался и хочет спасти душу девочки?

Ее так захватили эти мысли, что она подскочила на кровати, когда в дверь постучали. В проеме показалась лохматая голова Хармана:

– Берта отправила меня проверить, как ты. Я принес воды. Не вставай!

Урсула вздохнула с облегчением. От воды она и правда не отказалась бы. Но подносить кружку ко рту, лежа на спине, оказалось сложной задачей. Харман протянул к ней руку, однако Урсула отодвинулась. Он закатил глаза:

– Ох, да брось, Зауэр, не пристаю я к тебе, больно надо! Давай помогу.

На удивление бережно Харман просунул руку между подушкой и ее затылком. Теперь голова Урсулы удобно лежала в его ладони, как расписное пасхальное яйцо в корзиночке. Она пила мелкими глотками, после каждого прислушиваясь к себе. Остановилась, не допив половины, потому что ощутила какое-то шевеление внутри.

– Думаешь, иголка правда выйдет? – спросила она у Хармана отчего-то шепотом.

Конюх беззаботно пожал плечами:

– Раз Ауэрхан сказал, что вреда не будет, значит, не будет. Ему в этом смысле можно доверять. – Он зачем-то поднял вверх указательный палец. – Но только в этом, Зауэр!

Она ждала объяснений, но их не последовало.

– Мне уйти? – с неожиданной вежливостью поинтересовался Харман.

В другой раз Урсула выставила бы его сама, но сейчас лежать тут одной было невыносимо.

– Останься. – Она попыталась, чтобы это прозвучало величественно, свысока, но вышло скорее жалобно. – Расскажи мне что-нибудь.

– Идет, – Харман охотно уселся на кровать рядом с ней, так что между ними оставалось всего ничего. Потом спохватился и, подорвавшись с места, открыл дверь, чем успокоил Урсулу. – Давай так: ты мне задашь вопрос, а я тебе. Что ты хочешь знать?

Урсула вздохнула и сделала вид, что задумалась, хотя уже знала, о чем будет спрашивать.

– Ты говорил, что вы с отцом бродяжничали, перед тем как набрали на усадьбу господина Вагнера. Почему?

Все веселье вмиг исчезло с лица Хармана. Его выражение сделалось хмурым и угрожающим.

– Я такого не говорил.

Урсула прикусила язык и почувствовала кровь: она и забыла, что до того, как скользнуть внутрь, игла успела несколько раз кольнуть ей нёбо.

– Должно быть, Ауэрхан сказал. Прости. Я совсем забыла.

– Ой, да брось! – И снова этот веселый блеск в глазах. – Ты всегда такая пугливая? Сказал и сказал, не страшно. Даже не соврал на этот раз. Когда-то мы путешествовали с бродячими артистами: я на руках ходил, отец давал кукольные представления, а матушка шила наряды для кукол. Сколько ее помню, всегда любила рукодельничать, вот как ты... Только сядет – уже иголка в руках. Только она ее не глотала.

– Не смешно!

– Не дуйся. Мужчины смурных не любят. Особенно такие, как господин Вагнер.

Урсуле не понравилось то, куда зашел их разговор, и она поспешила вернуть его в прежнее русло:

– Ты на руках ходил? Правда, что ли?

Харман весело засмеялся, вскочил, отошел чуть-чуть и нагнулся, поставив ладони на пол перед ступнями. Повернул голову к Урсуле и подмигнул ей, потом медленно поднял одну ногу, а затем легко, не прилагая никаких усилий, оттолкнулся второй, и вот уже обе зависли в воздухе. Штанины задралась, так что стали видны волосатые щиколотки, а подошвы ботинок

смотрели в потолок. Очень медленно Харман свел ноги вместе и вытянулся. Не сдержавшись, Урсула захлопала в ладоши и тут же остановилась: чего доброго, пошевелит иглу!

Конюх сошел вбок, распрямился и отвесил ей поклон. На какое-то мгновение лицо его стало не просто веселым, а просветленным, точно он увидел перед собой настоящую толпу зрителей, которые кричат, хлопают и бросают акробатам монетки и сладости. Потом Харман встряхнулся и как-то разом потух.

– В общем, так мы и жили, но потом случилась чума и выкосила почти всю труппу, – продолжил он, садясь на кровать. – Одни мы с отцом уцелели. Он тоже заболел, но Господь смилостивился и оставил ему жизнь. Однако в городах тоже много народу перемерло, на бродячих кукольников теперь никто и смотреть не хотел, не до того было. Пришлось нам попрошайничать. Вот и вся немудреная история... Но если тебе интересно, с конями я тоже всегда любил возиться. Даже на спине у них на руках стоял на полном скаку!

Урсула посмотрела на него недоверчиво.

– Честное слово! Как-нибудь я тебе и это покажу!

– Ладно, ладно... Сколько тебе было лет, когда ты попал в услужение к господину Вагнеру? – спросила она.

– Пятнадцать. Все, я на твои вопросы ответил! Теперь моя очередь.

– Ну и что ты хочешь знать? Как я умудрилась проглотить иголку? Или какова она на вкус?

– Скучно. – Харман подпер подбородок кулаком. От того, как он произнес это «скучно», повеяло манерой Кристофа Вагнера. – Лучше скажи, чем ты так насолила мелкой Гвиннер, что она решила тебя убить? В этом доме чего только не случалось, но чтобы вот так и месяца не прошло, а тебя уже попытались пришить... Такого я не припомню.

Урсуле нечего было скрывать. Точнее, может, и было, но слишком мучительно было хранить страхи внутри. Она все рассказала Харману: и как ее отец, палач Ганс Зауэр, сжег на костре мать Агаты Гвиннер, и как девчонка вечно выводит ее из себя, то пугает, то злит... Даже поделилась тем странным чувством, которому не находила названия: когда ты и совсем чуточку завидуешь Гвиннер, и злишься, что она не понимает своего счастья. Закончив, Урсула сама ужаснулась своей откровенности, но Харман только посмеялся и махнул рукой:

– В этом доме стесняться нечего. Тут ты никого не напугаешь и не удивишь. Только хочешь совет? – Урсула не хотела, но кивнула. – Никогда не порть ничего, что принадлежит господину Вагнеру! И не спорь с Ауэрханом.

Он замолчал, и Урсула уточнила:

– Это все? Два правила?

– Остальные узнаешь по ходу дела. Все, не кисни! На Сретенье отправимся в церковь в деревне, там развлечешься.

В деревне? Она надеялась снова посмотреть Фрайбург или Штауфен. Вот уж радость – вместо этого слушать проповедь сельского священника! Должно быть, все это было написано у нее на лице, потому что Харман засмеялся:

– Вот увидишь, будет весело!

...Ранним утром Урсула благополучно избавилась от иголки: та вышла, не причинив никаких неудобств. Тихо, стараясь никого не разбудить, она спустилась в кухню и присела рядом с запертой на засов печной дверью. Прислонила к ней ухо. За дверью стояла тишина.

– Эй? – позвала она. – Слышишь меня?

Некоторое время никто не отвечал, но до Урсулы доносились возня и сухой шелест, с каким чистят платье. Наверняка вся юбка в золе... Шорох звучал у самой двери. Значит, Агата рядом, просто не хочет говорить.

– Сколько тебе еще здесь сидеть?

Молчание тянулось так долго, что Урсула решила уже, что Гвиннер не ответит, но та все-таки произнесла:

– Три дня.

Голос у нее был сиплый – то ли ревела, то ли кричала... Но если бы кричала, Урсула бы услышала. Или нет? В этом доме были толстые стены.

– Иголка вышла? – вдруг раздался вопрос из-за двери.

– Да, – осторожно ответила Урсула. Сама не понимала, чего боится – наверное, того, что Гвиннер расстроится и попытается подсунуть ей еще одну. Но вместо этого девочка сказала:

– Это хорошо. Я не хотела тебя убивать.

– А я не хотела тебя тогда бить.

Вот так вот: одна не хотела, но едва не убила, другая тоже не хотела, но не сдержалась...

– Тебе там страшно? – спросила Урсула шепотом.

– Не очень. Сначала я боялась, потом прошло. Ауэрхан сказал, что страх можно пересидеть. Тут тепло, и голоса слышны хорошо. Только писать хочется.

– А судно тебе дали?

– Забыли.

Урсула помешкала немного, потом сдвинула засов и распахнула дверь. Гвиннер сидела в золе, вся перепачканная, растрепанная, но на удивление собранная и спокойная. Подняла голову и посмотрела вопросительно, не решаясь двинуться.

– Пошли, я отведу тебя в уборную, – решительно сказала Урсула. – На самом деле никто не собирается держать тебя тут три дня. Берте же нужно готовить.

Интерлюдия

Большая часть жизни Кристофа Вагнера, нового слуги величайшего из всех некромантов и алхимиков, проходила в разъездах. А где разъезд – там сборы. А где сборы – там работа.

Нельзя сказать, что Кристоф не любил работу. Скорее он ее презирал. Труд существовал для простаков, которые в жизни ни в чем не преуспели. Они плыли по течению, как опавшие листья осенью, а затем смиренно тонули, растворяясь в придонном иле. Себя же Кристоф считал непригодным для такого существования. Он явно был рожден для богатства и роскоши, для отличного вина, пуховых перин, породистых лошадей и охоты. Вот только случайно появился на свет в неподходящей семье. Отец и старшие братья, пока не разъехались кто куда, все время пропадали в мастерской, а матушка и сестры день-деньской шили, стирали, готовили... За ужином они вздыхали, распрямляли натруженные спины и с гордостью обсуждали, кто сегодня больше времени провел за работой. Кристоф же считал такие разговоры неприличными.

Теперь он наконец попал в нужное общество, где сумеют оценить его таланты по достоинству! Доктор Фауст и Мефистофель никогда не говорили о работе. Вместо этого они обсуждали места, которых Кристоф не видел, людей, которых он не знал, и тайны, в которые его не собирались посвящать. Все же он очень быстро выяснил, что Доктор совершил страшный грех и продал душу дьяволу, а Мефистофель – это демон, приставленный, чтобы помогать ему в изысканиях. Очень подробно Кристоф расспросил Фауста об условиях сделки и о том, выгоден ли такой контракт для человека. Доктор только смеялся:

– Другой бы испугался! А ты, я погляжу, не из робких. Отчего тебя так интересует продажа души?

– Душа – штука бесплотная, – сознался Кристоф. – Я ее никогда не ощущал. Вот свиную колбасу можно прожевать и проглотить. На медную монету можно купить пирожок. Душа же, если подумать, не пригодна ни для чего.

– Она нужна, чтобы попасть в Царствие Небесное, – мягко напомнил Фауст и улыбнулся. Он в те времена часто улыбался.

Но Кристоф только рукой махнул:

– Если уж мне надо будет, так попаду! В любой дом можно влезть хоть через окно, хоть через печную трубу. В конце концов, можно просто сломать замок. А рай – он ведь побольше дома будет. Там уж точно не один вход!

Фауста веселили рассуждения слуги, Мефистофеля раздражали. Когда им с Доктором хотелось побеседовать, Кристофа выставляли вон. От этого ему только сильнее хотелось

узнать, о чем они говорят. Конечно, он подслушивал! Способность слышать то, что не предназначалось для его ушей, Кристоф считал своим главным талантом. Несколько раз его ловили за этим делом, Мефистофель грозился его крепко выпороть, но Фауст каждый раз останавливал демона.

Когда Доктор не слышал, демон осыпал Кристофа оскорблениями, называл его псом и тупицей. Вагнер только отмалчивался. Со злопыхателями не надо спешить, всему свое время. К тому же по какой-то причине Мефистофель не мог причинить ему вред, иначе давно бы уже сделал это. Оставалось наблюдать за ним. Демон легко, без всяких усилий, мог рассмешить Фауста, и смех его перекидывался на Кристофа тут же, хотя он частенько даже не понимал предмета веселья. Но так же легко демон нагонял на Доктора тоску, которую не могли развеять никакие ужимки Вагнера. Мефистофель умел управлять настроением Фауста, как ведьмы меняют погоду по своему желанию, и Кристоф жаждал заполучить это умение себе во что бы то ни стало.

* * *

Через год служения случилось страшное. Хотя о хозяине ходили всякие слухи, Кристоф и представить не мог, на что тот способен. Знай он раньше, на какие многолетние муки обречет его Фауст, ни за что бы рта не раскрыл!

Поначалу тот день не грозил никакими неприятностями. Фауст позвал его в свою лабораторию прибраться. Убираться Кристоф не любил, зато любил саму лабораторию, которая делилась на три комнаты. В первой сушились травы там всегда пахло едко и по-аптекарски. Во второй располагался атанор⁴ и смешивались эликсиры. В этом помещении, где шкафы от пола до потолка были заставлены книгами и склянками, Фауст проводил больше всего времени. Третья же комната называлась стеклодувной. Ее открывали, когда Доктору требовались новые сосуды смешной формы: с вытянутыми носиками, круглые или напоминающие формой член.

В лаборатории Кристоф должен был подметать пол, убирать последствия алхимических опытов и протирать пыль со стеклянных сосудов. Обычно Фауст оставлял слугу без надзора, но однажды застукал, когда тот от любопытства едва не откупорил один из пузырьков.

– Стоять!

Кристоф от неожиданности дернулся и едва не выронил пузырек. Фауст сверкал глазами, и Вагнеру сделалось даже обидно. Ничего воровать он не собирался. Подумаешь, большая ценность! Блестящая жижа, которая перетекает смешно и странно. Ее даже на рынке не продашь! Вон те камни, похожие на серебро, и те выглядят ценнее...

В несколько широких шагов Фауст преодолел расстояние между дверью и учеником, осторожно забрал пузырек и поставил на место. Медленно выдохнул. Раньше Кристоф никогда не видел, чтобы господин злился, даже если он плохо начистил его плащ или забыл натереть жиром сапоги.

– Ты хоть знаешь, что это такое?!

Судя по резкой остановке после последнего слова, только природная сдержанность помешала Фаусту назвать Вагнера болваном.

Кристоф еще раз глянул на содержимое пузырька и не обнаружил ничего нового:

– Жижа.

– Это ртуть, первородная материя! Из нее происходят все металлы.

– И золото? – заинтересовался Кристоф.

Фауст улыбнулся, несколько смягчившись:

---

⁴ Алхимическая печь.

– Оно тоже. Тот, кто сумеет при помощи мышьяка или серы придать твердость этой, как ты выразился, жиже, сможет добыть золото.

– Так придайте!

Золотишко у Фауста водилось, это Кристоф точно знал. Доктор не бедствовал. Деньгами он распоряжался свободно, как человек, не привыкший думать о том, что они могут закончиться. Но если из какой-то водички можно извлечь прибыль, грех этим не воспользоваться!

Однако Фауст лишь засмеялся и похлопал Кристофа по плечу. Рука у него была тяжелая.

– Мальчик мой, над этой задачкой бьются лучшие умы нашей страны. Возможно, однажды я найду способ это сделать.

– А если это пока не золото, так чего вы на меня орали?

Доктор нахмурился:

– Если ты откроешь крышку, ртуть улетучится. А я, знаешь ли, не привык разбрасываться своими запасами. И уж точно не хочу терять их из-за кого-то вроде тебя. Видишь того парня в углу? Это мой бывший прислужник, между прочим. Тоже совал нос, куда не следует.

– Врете вы все! Никакой это не ваш прислужник.

В углу лаборатории на жестком каркасе был закреплен скелет. В дни, когда уборка становилась совсем невыносимой, Вагнер вел с ним пространные беседы в перерывах между взмахами веника. Скелет слушал и помалкивал. Несколько раз Кристоф подолгу стоял у покойника, рассматривая тонкие белые кости. Одно из бедер было надломлено у самого основания.

Фауст склонил голову, с интересом поглядывая на Вагнера:

– С чего ты взял, что это не мой бывший слуга?

И тут Кристоф Вагнер допустил ошибку, которую не мог себе простить много лет. Он ответил:

– Да это же старик! Вот смотрите, половины зубов нет, а нога как сломалась, так и не срослась. Много бы он по вашим поручениям побегал!

Доктор Иоганн Фауст питал слабость к людям наблюдательным и неглупым. Он много раз сам это повторял. Как позже алхимик признался Кристофу, он давно подозревал, что голова у его слуги отнюдь не такая пустая, как кажется.

– А ты внимательный юноша... Знаешь что? Пожалуй, я буду тебя учить.

Кристоф улыбнулся, польщенный похвалой. Тогда он еще не подозревал, чем это для него обернется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.